П. Юшкевичъ.

О МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКОМЪ ПОНИМАНІИ ИСТОРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

ПРОф. 1954

D
16
·9

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
106
54

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

О матеріалистическомъ пониманіи исторіи.

Историческій матеріализмъ разсматривается въ этой брошюрѣ, какъ извѣстная точка зрѣнія на исторію и извѣстный научный методъ изученія ея. Задача, которую онъ себѣ ставитъ—представить исторію, какъ единообразный и закономѣрный процессъ развитія. Но чтобы понять, какъ она рѣшается истор. матеріализмомъ, нужно предварительно установить нѣкоторые опорные пункты въ вопросѣ о соціальной закономѣрности, о роли личности въ исторіи, о роли великихъ людей. Этимъ предварительнымъ, но необходимымъ вопросамъ посвящены первыя три главы.

1.

Наука ли исторія?

Въ настоящее время найдутся лишь немногіе писатели, которые отвѣтятъ отрицательно на этотъ вопросъ и которые присоединятся къ мнѣнію Шопенгауера, утверждавшаго, что „исторія—это нѣкоторое знаніе, но не наука". Исторія успѣла ужъ опровергнуть это скептическое замѣчаніе философа-пессимиста, бывшее, впрочемъ, невѣрнымъ даже въ его время: изъ простого пересказа, повѣствованія о замѣчательныхъ событіяхъ прошлаго она мало-помалу, постепенно, стала научнымъ изложеніемъ и

объяспеніемъ историческаго процесса. Но именно „мало-по-малу“ и „постепенно“, ибо это развитіе историческаго повѣствованія въ историческую науку имѣетъ за собой само тоже довольно длинную исторію: начинается оно еще въ 16 вѣкѣ, хотя первые дѣйствительно крупные шаги въ этомъ направленіи дѣлаются лишь около середины 18 столѣтія, наканунѣ торжества третьяго сословія надъ старымъ порядкомъ.

Превращеніе исторіи въ науку шло одновременно какъ со стороны расширенія ея содержанія, такъ и со стороны болѣе глубокаго и правильнаго пониманія закономѣрности историческаго процесса. Политическіе перевороты, войны, дипломатическія интриги, жизнь монарховъ и ихъ дворовъ, жизнь дворянства— вотъ основное содержаніе прежней исторіи. Это почти исключительно политическая исторія, интересующаяся лишь внѣшней, эффектной стороной народной жизни, исторія „верхнихъ 10.000“, въ нѣкоторомъ родѣ ихъ семейная хроника. Новое направленіе исторической науки быстро разорвало эти узкія рамки. Широкіе рвавшіеся вверхъ слои общества потребовали въ историческомъ изученіи мѣста для себя и для продуктовъ своего соціальнаго творчества, для науки, искусства, для культуры вообще. Политическая исторія была теперь дополнена, а иногда и вытѣснена, исторіей культурной, исторіей быта, учрежденій, нравовъ—и исторіей соціальной, изслѣдующей хозяйственное развитіе различныхъ обществъ, происходящую въ нихъ непрерывную борьбу классовъ, и т. д. Съ середины же 19 столѣтія, подъ давленіемъ пролетарскаго движенія, подъ давленіемъ все обостряющагося соціальнаго вопроса, соціальная исторія выступаетъ уже на первый планъ.

Такъ постепенно расширилось содержаніе исто-

ріи, охвативъ собой всю сложность общественнаго бытія людей, уравнявъ на вѣсахъ безпристрастнаго изслѣдованія правленіе могущественныхъ царей съ вопросомъ о паденіи или повышеніи заработной платы, подвиги геніальныхъ полководцевъ съ задачами таможенной политики и т. д. Общество демократизировалось, и вмѣстѣ съ этимъ демократизировалась и исторія, оправдавъ этимъ основное положеніе историческаго матеріализма, гласящее, что „общественное бытіе людей опредѣляетъ ихъ сознаніе“,—въ данномъ случаѣ ихъ историческое сознаніе.

Параллельно съ этимъ расширеніемъ историческаго матеріала, съ ростомъ задачъ исторіи, шло и углубленіе пониманія историческаго процесса. Огромные успѣхи точнаго знанія, выработка новыхъ точныхъ методовъ во всѣхъ областяхъ науки, не могли не отразиться на историческомъ изслѣдованіи. Закономѣрность естественныхъ процессовъ побуждала искать закономѣрности и въ историческомъ процессѣ. Само то расширеніе содержанія исторіи, о которомъ мы выше говорили, неизбѣжно вело къ этому. Въ политической исторіи понятіе о закономѣрности непримѣнимо. Дѣйствующими лицами ея являются цари, полководцы, министры и т. п. могущественныя личности, для поступковъ которыхъ законъ, такъ сказать, не писанъ. Направляемые чувствами властолюбія, славы, гуманности, набожности и т. д., они ведутъ событія въ томъ или иномъ направленіи. Отъ ихъ воли, отъ ихъ характера, зависятъ въ огромной степени историческія перемѣны. Событія и факты находятся въ причинной связи съ ними лично,—и понятно поэтому, что исторія должна казаться пестрымъ калейдоскопомъ страстей и желаній отдѣльныхъ великихъ людей. Руководящей нити, чего-нибудь связываю-

щаго исторію въ одно разумное, понятное цѣлое, словомъ, чего-нибудь дѣлающаго ее закономѣрной, нѣтъ и быть не можетъ. Если же въ лучшемъ случаѣ здѣсь и допускается существованіе такой руководящей нити, такого закона, то онъ лежитъ гдѣ-то внѣ человѣчества, надъ нимъ, въ видѣ промысла Божія, ведущаго людей своими кривыми путями къ далекой, недоступному слабому человѣческому уму, цѣли. Въ рукахъ этого промысла все идетъ въ прокъ: и безумства тирановъ, и великія дѣянія реформаторовъ, словомъ всѣ капризы, всѣ случайности, которыми полна политическая исторія.

Но ясно, что ссылка на Божій Промыслъ, объясняя все, въ то же время въ дѣйствительности ничего не объясняетъ,—и именно потому, что пути Господни неисповѣдимы и что Провидѣнію можно приписывать все что угодно. Съ другой стороны, кто здѣсь, въ области политической исторіи, покидаетъ почву религіознаго толкованія исторіи, тотъ долженъ отказаться отъ всякаго толкованія. Такимъ образомъ исторія дѣйствительно, оказывается какимъ-то знаніемъ, удовлетворяющимъ наше любопытство насчетъ выдающихся событій прошлаго, но не наукой. Извѣстно изреченіе Паскаля, сказавшаго, что, будь у Клеопатры носъ нѣсколько короче, вся судьба міра была бы иной. Но точно также иные историки утверждали, что не будь у Наполеона въ день бородинскаго сраженія жестокаго насморка, онъ могъ бы использовать всѣ рессурсы своего военнаго генія; тогда результаты кроваваго боя были бы болѣе рѣшительны—и опять—таки судьба міра была бы иной. И такъ, съ одной стороны прекрасный носъ Клеопатры, съ другой несвоевременная простуда Наполеона. Стоитъ только умножить примѣры и продолжить эти разсужденія,—и мы придемъ къ

выводу, что вся исторія—это цѣпь счастливыхъ или несчастныхъ,—но во всякомъ случаѣ ничтожныхъ—случайностей, что вся она постоянно виситъ на волоскѣ. Что дѣлать здѣсь наукѣ, что дѣлать научному изслѣдованію тамъ, гдѣ желѣзная цѣпь событій разрѣшается въ рядъ мало связанныхъ другъ съ другомъ анекдотовъ?

Политическая исторія—исторія на службѣ и жалованьѣ у монарховъ—и могла быть, въ концѣ концовъ, только болѣе или менѣе художественнымъ сборникомъ историческихъ анекдотовъ. Но исторія должна была принять научный, закономѣрный характеръ, разъ ею къ изученію были привлечены явленія культурной жизни, факты классовой борьбы, хозяйственнаго развитія и пр. Здѣсь сами объекты изслѣдованія, благодаря своему массовому характеру, поддаются уже научной обработкѣ. Вмѣсто отдѣльныхъ лицъ и ихъ поступковъ передъ нами выступаютъ массы и продукты ихъ историческаго существованія: языкъ, религія, широкая партійная борьба. Мѣста безграничному произволу отдѣльной личности—какъ бы могущественна и велика она ни была—здѣсь нѣтъ: въ лучшемъ случаѣ ея вліяніе на ходъ вещей второстепенное, производное. Очевидно, нельзя одинаковымъ образомъ объяснять запутанные ходы дипломатической игры и измѣненія въ экономическомъ бытѣ народа: если первые находятъ легкое и всякому доступное объясненіе въ волѣ заинтересованныхъ сторонъ, то врядъ ли кто рѣшится причинно связать хозяйственное развитіе страны съ волей законодателя. То же самое примѣнимо къ судьбамъ права, языка, нравовъ. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ элементъ случайности, господствующій въ политической исторіи, отодвинутъ на задній планъ.

Такъ, благодаря успѣхамъ научной мысли вообще и въ частности благодаря измѣненію самого содержанія исторической науки, былъ поставленъ на очередь вопросъ о закономѣрности историческаго процесса. Вторая половина 18 вѣка и весь 19 заполнены попытками найти эту закономѣрность въ исторіи. Первое время это было задачей, главнымъ образомъ, философіи исторіи; съ середины же 19 столѣтія выступаетъ новая наука объ обществѣ, соціологія, обѣщающая открыть законы историческаго развитія.

Философія исторіи знаетъ лишь исторію единаго человѣчества, идущаго неизмѣнно впередъ по пути своего развитія. Отдѣльные историческіе моменты въ жизни народовъ для нея только особые этапы на прямомъ пути шествующаго къ прогрессу человѣчества. Единое человѣчество и прогрессъ—вотъ два основныхъ понятія философіи исторіи. Единое человѣчество съ единой всеобщей исторіей—несмотря на огромное различіе частныхъ исторій народовъ и несмотря на то, что многіе народы прожили долгую историческую жизнь внѣ круга западно-европейскаго міра (который собственно и является для философовъ исторіи человѣчествомъ). Двѣ—три тысячи лѣтъ существованія сперва греко-римскаго, а затѣмъ германо-романо-славянскаго міра--вотъ преимущественно предметъ изученія философіи исторіи. Только какъ введеніе къ нимъ привлекается еще разсмотрѣніе исторіи народовъ передней Азіи и Африки. Все остальное человѣчество остается за бортомъ философіи исторіи: тѣмъ хуже для другихъ народовъ, что они не сумѣли связать своей судьбы съ исторіей Европы. Они не умѣщаются въ тѣсныя рамки, отмежеванныя себѣ философіей исторіи, и она ими спокойно жертвуетъ.

Но если, полно произволомъ, понятіе единаго человѣчества, то не менѣе произвольно второе основное понятіе философіи исторіи, именно идея прогресса, неизмѣннаго, вытянутаго въ струнку прогресса, который осуществляетъ это единое человѣчество. Эта идея настолько неопредѣленна и субъективна, что каждый мыслитель толкуетъ ее по своему, въ зависимости отъ своихъ склонностей и симпатій. Одного интересуетъ въ исторіи прогрессъ умственный, другого—успѣхи нравственности, третьяго—всестороннее развитіе личности, и каждый, исходя изъ своей теоріи прогресса, по своему оцѣниваетъ событія, по своему располагаетъ ихъ въ развертывающійся рядъ.

Не трудно замѣтить, что философія исторіи является прямымъ наслѣдникомъ прежней теологической и телеологической мысли. Промыселъ Божій своими неисповѣдимыми кривыми путями неизмѣнно ведетъ человѣчество къ какой-то высокой конечной цѣли—такъ говорило религіозное ученіе: ничего случайнаго въ исторіи нѣтъ, все служитъ для осуществленія плановъ Провидѣнія. Непосредственно примыкая къ этому воззрѣнію, одинъ изъ первыхъ и крупнѣйшихъ философовъ исторіи, Гердеръ, видѣлъ въ исторіи процессъ воспитанія человѣчества подъ руководствомъ Бога. У Гегеля эта идея принимаетъ уже метафизическій характеръ: исторія является, какъ процессъ саморазвитія Абсолютнаго Духа. Наконецъ, у философовъ исторіи, относящихся отрицательно къ религіознымъ и метафизическимъ ученіямъ, ужъ нѣтъ мѣста для Провидѣнія или для Абсолютнаго Духа. Но мѣсто Провидѣнія занялъ у нихъ Прогрессъ, играющій въ ихъ построеніяхъ ту же провиденціальную роль, которую играло прежде Божество. Суевѣріе теологическое и метафизическое замѣнено суевѣріемъ позитивнымъ, но все-таки остается суевѣріемъ: и

здѣсь и тамъ историческій процессъ разсматривается съ точки зрѣнія какой-то конечной цѣли, которую призвано осуществить человѣчество на землѣ; и съ точки зрѣнія этой конечной цѣли объясняется весь ходъ исторіи. Эта телеологическая точка зрѣнія— коренной недостатокъ философіи исторіи, но въ прошломъ она сыграла крупную научную роль, ибо благодаря ей впервые удалось обосновать и провести идею закономѣрности историческаго процесса.

Съ иной, болѣе научной стороны подходитъ къ изученію историческихъ явленій соціологія. Если философія исторіи выросла подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіозно-метафизической мысли, съ ея преобладаніемъ идеи цѣли, то соціологія явилась продуктомъ вліянія точныхъ наукъ и основного для нихъ начала причинности. Если философія исторіи связываетъ историческія событія въ одно закономѣрное цѣлое черезъ посредство идеи прогресса, служащей цѣлью человѣчества, его путеводной звѣздой, то соціологія пытается найти эту закономѣрную связь въ отношеніи причины и слѣдствія, въ существованіи законовъ, такъ же полносильныхъ для жизни обществъ, какъ полносильны законы механики для небесныхъ тѣлъ или законы біологіи для живыхъ организмовъ.

Съ другой стороны, если философія исторіи имѣетъ предметомъ своего изученія единое человѣчество, то соціологія занимается обществомъ, но не тѣмъ или инымъ конкретнымъ обществомъ, а обществомъ вообще, обществомъ, какъ родовымъ понятіемъ. Соціологія задается цѣлью изучить законы, управляющіе развитіемъ этого абстрактнаго общества. Къ несчастью, соціологи до сихъ поръ еще не сговорились между собой насчетъ того, что представляетъ собой это общество вообще и каковы управляющіе имъ законы. Ужъ больше полувѣка гово-

рятъ и пишутъ о соціологіи, существуетъ огромная соціологическая литература, но фактически дальше имени науки дѣло не пошло. Собрано и разработано много историческаго и этнографическаго матеріала, выдвинуто много интересныхъ точекъ зрѣнія, много любопытныхъ теорій,—но все это цѣнно для отдѣльныхъ общественныхъ наукъ, для сравнительной исторіи хозяйства, для сравнительной юриспруденціи, сравнительнаго языковѣдѣнія и т. д. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ невозможно построить какой-то особой общей науки объ обществѣ, во всякомъ случаѣ ея пока нѣтъ, и мало шансовъ, чтобы она осуществилась въ ближайшемъ будущемъ *).

2.

Такимъ образомъ, ни философія исторіи, ни соціологія не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: философія исторіи для насъ уже не наука, а соціологія, въ лучшемъ случаѣ, пока еще не наука. Но значитъ ли это, что идея о закономѣрности историческихъ событій потерпѣла крушеніе? Ничуть. Наоборотъ, если что и уцѣлѣло и окрѣпло въ борьбѣ разныхъ философско-историческихъ и соціологическихъ теорій,—то это именно идея о закономѣрности исторіи. Но плодотворной она сможетъ быть лишь при правильномъ пользованіи ею. Она не должна примѣняться ни къ какой-то неуловимой общей наукѣ объ обществѣ, ни къ тому субъективному и произвольному построенію событій, которое называется философіей исторіи. Научная исто-

*) Лично мы думаемъ, что неуспѣхъ всѣхъ попытокъ построить соціологію не случаенъ и что онъ кроется въ невозможности создать, наряду съ многочисленными частными соціальными науками, еще особую общую наукѣ объ обществѣ. Но здѣсь мы не имѣемъ возможности развить эту мысль.

рія должна итти своимъ особымъ, третьимъ путемъ. Въ извѣстномъ смыслѣ она должна быть чѣмъ-то среднимъ между философіей исторіи и соціологіей. Подобно первой, она должна брать данный конкретный историческій матеріалъ (исторію *такого-то* народа, *такой-то* эпохи, *такого-то* учрежденія и т. д.), а не какое-то неосязаемое, недоступное изученію, общество вообще *). Подобно второй, она должна отбросить идею конечной цѣли и пользоваться исключительно принципомъ причиннаго связыванія событій, принципомъ детерминизма. Задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы отыскать ту *особую форму детерминизма*, которая осуществляется въ общественной жизни людей, чтобъ найти особую, присущую исторію, закономѣрность.

Принципъ причинности, взятый въ своей общей формѣ, конечно, одинъ. Онъ гласитъ: нѣтъ слѣдствія безъ причины—подразумѣвается, естественной причины,—которая, въ свою очередь, является слѣдствіемъ другой естественной причины и т. д. Но въ этой общей формѣ онъ имѣетъ для науки только отрицательное значеніе, именно поскольку онъ борется съ попытками объяснять явленія ссылкой на сверхъестественныя, недоступныя наблюденію и провѣркѣ силы. Онъ толкаетъ мысль не останавливаться на данномъ фактѣ и итти все дальше и все глубже въ переплетающуюся ткань явленій. Но если для борьбы съ религіозными и метафизическими предразсудками до-

*) Это не исключаетъ, конечно, возможности и необходимости *сравнительнаго* изученія историческихъ явленій, напримѣръ, сравнительная исторія развитія хозяйственныхъ формъ и т. д. Но эти сравнительно-историческія изслѣдованія и тѣ цѣнныя обобщенія, къ которымъ они приводятъ, совсѣмъ не составляютъ той абстрактной науки объ обществѣ, о которой мечтали—и до сихъ поръ еще мечтаютъ—соціологи.

статочно принципа причинности въ его общей формѣ, то для частныхъ наукъ этого еще мало. Каждая наука имѣетъ цѣлью овладѣть огромной массой эмпирическаго матеріала. Ей нужно внести порядокъ въ этотъ матеріалъ, чтобы его можно было легко обозрѣть, ей нужно, такъ сказать, занести въ систематическій каталогъ всю груду сырыхъ фактовъ, чтобы потомъ не трудно было отыскать каждый фактъ. Для этого ей нужно установить небольшое количество причинныхъ связей, небольшое количество обобщеній, законовъ, которые изъ безпорядочнаго хаоса фактовъ и явленій дѣлаютъ упорядоченную, легко доступную и обозримую умомъ систему. Въ каждой отдѣльной области явленій это достигается своимъ особымъ образомъ—чѣмъ не нарушается, конечно, основное единство общаго начала причинности,—въ каждой области явленій детерминированность ихъ, ихъ закономѣрность принимаетъ особенный характеръ, особенную форму.

Поэтому, не довольствуясь однимъ примѣненіемъ къ исторіи голаго принципа причинности, мы должны спросить: какова особая, свойственная историческимъ явленіямъ, форма детерминизма? По этому вопросу существуютъ двѣ основныхъ точки зрѣнія, два основныхъ направленія, которыя можно назвать психологическимъ (субъективнымъ) и соціологическимъ (объективнымъ).

Психологическое направленіе исходитъ изъ того—неоспоримаго, конечно,—факта, что общество состоитъ изъ людей, изъ чувствующихъ, дѣйствующихъ, живущихъ личностей. Общество для него есть совокупность живыхъ личностей, и жизнь общества есть жизнь этой совокупности. Помимо этой совокупности, внѣ ея, общество ничего не представляетъ. Общество не есть какая-то особая, независимая отъ людей

реальность. Оно не какой-то организмъ, какъ намъ его рисуютъ соціологи-органисты,—по крайней мѣрѣ, мы ничего не знаемъ и знать не можемъ о такомъ организмѣ. Всѣ теоріи, построенныя на допущеніи общества—организма, приводятъ лишь къ пустымъ, ничего не значущимъ и ничего не объясняющимъ аналогіямъ. Органисты говорятъ о нервахъ, кровеносной системѣ, о членахъ общественнаго организма, но это только слова и сравненія, не подвигающія насъ ни на шагъ впередъ въ изученіи общественной жизни. Единственно реальное существо, съ которымъ имѣютъ дѣло общественныя науки,—это человѣкъ, личность. И ключъ къ объясненію историческаго процесса надо искать въ этой личности, въ ея желаніяхъ, въ ея страстяхъ,—словомъ въ ея психологіи. Историческій процессъ есть поэтому по существу психическій процессъ, въ исторіи мы имѣемъ дѣло лишь съ тѣми или иными психическими явленіями, и такимъ образомъ историческая закономѣрность есть психологическая закономѣрность.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ психологическая точка зрѣнія, являющаяся, какъ легко замѣтить, лишь расширеніемъ прагматическаго метода прежней политической исторіи. Прагматизмъ тоже объяснялъ историческій ходъ событій психологіей дѣйствующихъ лицъ, но для него дѣйствующими лицами были только немногіе великіе люди, герои, цари и т. д. Для сторонниковъ же психологическаго метода дѣйствующимъ лицомъ исторіи, носителемъ историческаго процесса является не великая личность, а личность вообще, личность, взятая въ массѣ, со своей психологіей.

Въ извѣстномъ, ограниченномъ смыслѣ эта теорія вѣрна, и въ этомъ условномъ смыслѣ можно утверждать,

что историческій процессъ по существу есть психологическій процессъ. Но точно также и съ такимъ же правомъ можно утверждать, что историческій процессъ есть по существу біологическій процессъ и что вся человѣческая исторія есть извѣстный моментъ въ развитіи біологическаго вида „homo sapiens", или что въ исторіи мы имѣемъ дѣло съ физическимъ процессомъ и что она есть лишь нѣкоторый эпизодъ въ совершающемся на землѣ превращеніи солнечной энергіи. Всѣ эти три утвержденія одинаково вѣрны, каждое по своему, но всѣ они крайне общи и не даютъ намъ того, что нужно. Мы вѣдь ищемъ ту специфическую форму, тотъ особый видъ, который принимаетъ въ исторіи понятіе закономѣрности. Если бы его можно было найти съ помощью законовъ механики,—это было бы превосходно. Если бы можно было на основаніи этихъ законовъ разсчитать и объяснить послѣдовательный ходъ историческихъ событій, то ничего лучшаго и не надо было бы. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и мы безъ всякаго сожалѣнія откидываемъ при изученіи исторіи физическія теоріи. То же самое приходится дѣлать и съ біологическими и психологическими теоріями, разъ онѣ не приводятъ къ установленію особой исторической, общественной, закономѣрности. Общество, говорятъ сторонники психологической точки зрѣнія, немыслимо внѣ совокупности составляющихъ его личностей, и историческій процессъ есть по существу психическій процессъ. Но, вѣдь, общество все-таки совокупность и историческій процессъ—есть общественно-психическій, коллективно-психическій процессъ. Вотъ въ этихъ-то чертахъ „совокупности" и „коллективности" всякаго общественнаго бытія должна крыться—если она только имѣется—искомая особая

закономѣрность исторіи, отличающая ее отъ закономѣрности индивидуальной психологіи.

Не надо также забывать, когда намъ говорятъ о личности, какъ носителѣ историческаго процесса, что понятіе личности не есть нѣчто постоянное, разъ навсегда данное. Личность измѣнялась въ исторіи и съ исторіей. Психологія нѣмца XIX столѣтія имѣетъ мало общаго съ психологіей германца временъ Тацита, современный грекъ мало походитъ на эллина эпохи Перикла, и если основа историческаго процесса—личность—измѣняется, то является вопросъ: не представляетъ ли личность скорѣе продуктъ историческаго процесса, чѣмъ творца его?

Могутъ отвѣтить, что личность творитъ историческій процессъ, но и сама обратно испытываетъ на себѣ его вліяніе; могутъ сказать, что между личностью и историческимъ процессомъ все время идетъ взаимодѣйствіе. Но сказать это—значитъ просто отказаться дать научное объясненіе хода исторіи. Это значитъ не уйти дальше того миѳологическаго объясненія, которое говорило, что земля стоитъ на китахъ, эти на водѣ, которая, въ свою очередь, покоится на землѣ, и т. д. Вмѣсто объясненія насъ заманиваютъ въ безконечную даль перспективой какого-то объясненія.—Можно, наконецъ, и такъ рѣшить этотъ вопросъ: личность творитъ историческій процессъ; сама она измѣняется, но не въ зависимости отъ измѣненія общественнаго процесса, а по какимъ-нибудь другимъ законамъ. Но тогда необходимо найти эти законы измѣненія психологіи личности, и они то и будутъ настоящими законами научной исторіи.

Въ противоположность психологическому соціологическій методъ исходитъ не изъ понятія личности,

а изъ понятія общества и явленія общественнаго. Общество, конечно, не организмъ, какъ утверждаютъ органисты, но оно и не простая сумма отдѣльныхъ личностей, какъ утверждаютъ психологисты. Общество нѣчто меньшее, чѣмъ организмъ, но и нѣчто значительно большее, чѣмъ простая сумма лицъ. И это примѣнимо не только къ обществу, но и къ продуктамъ общественнаго, коллективнаго творчества: о нихъ можно сказать, что они ведутъ свое особое и въ извѣстномъ смыслѣ независимое отъ реальныхъ личностей существованіе. Возьмемъ хотя бы такое явленіе, какъ языкъ, напримѣръ, русскій языкъ. Реальными носителями русскаго языка являются, конечно, живыя личности, говорящія на немъ,—и пока онѣ говорятъ на немъ. Но въ то же время русскій языкъ является своеобразной реальностью, независимой отъ каждой отдѣльной говорящей по-русски личности (и даже не только отъ каждой отдѣльной личности, но и отъ всѣхъ ихъ, взятыхъ вмѣстѣ въ данное время, поскольку онъ является языкомъ исчезпувшихъ поколѣній и поскольку онъ будетъ языкомъ для будущихъ поколѣній). Съ соціологической точки зрѣнія русскій языкъ предсуществуетъ передъ личностью, онъ является чѣмъ-то раньшимъ, чѣмъ она, онъ является по отношенію къ ней соціологическимъ prius. Для каждой отдѣльной личности языкъ является чѣмъ-то независимымъ отъ нея, лежащимъ внѣ нея, объективно-даннымъ. Языкъ для нея непререкаемый и объективный фактъ, который ей остается принять такимъ, каковъ онъ есть, безъ всякой возможности оспорить его. Личность окружена стихіей языка такъ же, какъ воздушной стихіей,—и съ извѣстнымъ ограниченіемъ можно сказать, что какъ воздухъ въ своемъ объек-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук

тивномъ существованіи независимъ отъ людей, которые имъ дышатъ, такъ и языкъ независимъ отъ личностей, которыя на немъ говорятъ. Конечно, „съ извѣстнымъ ограниченіемъ“, ибо личность воздѣйствуетъ на языкъ и изъ такихъ мелкихъ воздѣйствій—но взятыхъ въ массѣ—и составляется развитіе языка, постепенное его измѣненіе. Но въ каждый данный моментъ, если взять отношеніе того, что личность беретъ отъ языка, къ тому, что она ему даетъ (и даже не отдѣльная личность, а цѣлое поколѣніе), это отношеніе является ничтожнымъ, безконечно малымъ. Въ этомъ смыслѣ вліяніемъ личности можно пренебречь и сказать, что основой, чѣмъ-то постояннымъ, является языкъ, какъ объективный соціологическій фактъ. Это, конечно, не исключаетъ взаимодѣйствія между личностью и языкомъ—и мы это только что сами признали,—но взаимодѣйствія, происходящаго на основѣ даннаго каждый разъ—и въ этомъ отношеніи первичнаго—состоянія языка.

Возьмемъ еще такія общественныя явленія, какъ рынокъ, хозяйство данной страны, капиталистическій строй. Было бы грубой ошибкой сказать, что рынокъ есть просто совокупность, сумма продающихъ и покупающихъ лицъ. Такое опредѣленіе, хотя оно вѣрно съ внѣшней стороны, оставляетъ въ тѣни самое главное—то именно, что эта сумма является чѣмъ-то независимымъ отъ каждаго изъ составляющихъ ее слагаемыхъ, что она какъ бы отдѣляется отъ нихъ и ведетъ свое самостоятельное существованіе. Для продавцовъ и покупателей рынокъ является какой-то стихійной, чуждой имъ силой, диктующей свои законы производителямъ товаровъ и покупателямъ ихъ. Рынокъ, поэтому, не есть простая абстракція, это не голое слово,—это

самая настоящая реальность, передъ огромнымъ и подчасъ роковымъ значеніемъ который отступаетъ на задній планъ значеніе отдѣльныхъ составляющихъ его членовъ, значеніе личности. Вся бурная исторія современнаго хозяйственнаго строя можетъ разсказать, какое наиреальнѣйшее значеніе для производителей, для личности, имѣютъ всѣ эти, повидимому, отвлеченныя понятія: рынокъ, капиталистическое производство и т. д.

Голая психологическая точка зрѣнія, точка зрѣнія лячности, равно ничего не объясняетъ въ этихъ общественныхъ явленіяхъ. Конечно, личность является живымъ носителемъ этихъ явленій, потому что всѣ они касаются исторіи людей, а не призраковъ, но это не значитъ, что понятіе личности вполнѣ покрываетъ собой понятіе происходящихъ изъ взаимоотношенія личностей общественныхъ явленій. Общественная ариѳметика рѣзко расходится съ обыденной ариѳметикой; группа лицъ, взятыхъ вмѣстѣ, въ общежитіи, даетъ нѣчто совсѣмъ отличное отъ того, что́ даютъ эти лица, взятыя порознь. Во всякой общественной группѣ изъ факта общенія людей, изъ факта взаимоотношенія ихъ, получается новое и важное явленіе, новая сила, общественная сила, совсѣмъ отличная отъ составляющихъ группу лицъ и являющаяся по отношенію къ каждому изъ этихъ лицъ чѣмъ-то внѣшнимъ, чѣмъ-то стоящимъ надъ нимъ, независимымъ отъ него. И чѣмъ больше размѣры людской группы, чѣмъ больше число входящихъ въ нее лицъ, тѣмъ рѣзче отдѣляется эта общественная сила отъ ея реальныхъ (живыхъ) носителей, тѣмъ независимѣе отъ нихъ дѣляется она, тѣмъ болѣе стихійный, объективный характеръ носитъ она. Какъ бы ни назвать это новое явленіе: силой ли обще-

ственной организаціи, силой ли взаимоотношенія людей, но фактъ тотъ, что она является чѣмъ-то объективнымъ, вполнѣ отличнымъ отъ субъективныхъ стремленій и интересовъ отдѣльныхъ личностей. Эти общественныя силы, вытекающія изъ взаимоотношенія людей, и составляютъ настоящій предметъ общественныхъ наукъ. Благодаря имъ, безконечно сложный хаосъ индивидуальныхъ стремленій и страстей замѣняется сравнительно простыми отношеніями немногихъ соціальныхъ явленій, и такимъ образомъ открывается путь для закономѣрнаго изученія исторіи.

На этой объективной, соціологической точкѣ зрѣнія и стоитъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Знаменитое предисловіе къ „Zur Kritik“ съ первыхъ же строкъ говоритъ, что „въ общественномъ процессѣ производства своей жизни, люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, отъ ихъ воли независимыя отношенія (курсивъ нашъ), производственныя отношенія, соотвѣтствующія опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ“ и т. д. Мы пока оставимъ въ сторонѣ, что Марксъ здѣсь имѣетъ въ виду лишь производственныя отношенія, и посмотримъ, какими общими признаками характеризуются они у него. Опредѣленныя и независимыя отъ воли людей отношенія (Марксъ часто говоритъ также о совершающемся за спиной людей, т. е. безсознательномъ, независящемъ отъ воли людей, общественномъ процессѣ), являющіяся продуктомъ ихъ взаимоотношенія на почвѣ производства, и есть то объективное, что мы указываемъ въ общественномъ явленіи, какъ таковомъ. Необходимость же этихъ отношеній, вытекающая изъ того, что въ нихъ погашаются и нейтрализуются различныя, подчасъ противоположныя

стремленія индивидуальныхъ воль, придаетъ имъ характеръ закономѣрности, дѣлаетъ изъ нихъ предметъ научнаго изученія и дозволяетъ даже въ извѣстной степени научное предвидѣніе. Вся Марксова теорія капиталистическаго развитія и состоитъ въ изученіи этихъ объективныхъ общественныхъ явленій и представляемыхъ ими закономѣрностей. Процессъ развитія капиталистическаго общества, какъ процессъ необходимый, независящій отъ воли носителей этого процесса, словомъ, какъ процессъ закономѣрный — вотъ предметъ изслѣдованія Маркса.

Но если, по Марксу, объективный, совершающійся за спиной людей, общественный процессъ независимъ отъ воли и сознанія личности, то это не значитъ, что сознаніе личности для Маркса ничто, что она лишь простая иллюзія, какъ толкуютъ мысль творца экономическаго матеріализма нѣкоторые критики, напримѣръ Масарикъ (см. его „Философскія и соціологическія основанія марксизма“). Это значитъ лишь, что воля и сознаніе людей не являются первымъ двигателемъ общественнаго процесса, что прежде, чѣмъ опредѣлить ходъ событій, они сами опредѣляются имъ. Прежде чѣмъ стать творцомъ особаго объективнаго общественнаго порядка, воля и сознаніе личностей являются твореніемъ предыдущаго объективнаго порядка. Общественный процессъ есть, по существу, дѣйствительно психическій процессъ, но въ каждый данный моментъ содержаніе и направленіе этого психическаго процесса (а, слѣдовательно, и его закономѣрность) опредѣляется объективнымъ, независящимъ отъ сознанія, общественнымъ взаимоотношеніемъ людей. Поясникъ это примѣромъ. По ученію Маркса объективный процессъ развитія капиталистическаго общества съ естественной необходимостью ведетъ къ

обобществленію производства, къ новому, построенному на коммунистическихъ началахъ, строю. Процессъ этого превращенія капиталистическаго общества въ соціалистическое въ своей закономѣрности независимъ отъ воли и сознанія людей. Но въ какомъ смыслѣ независимъ? Не въ томъ, конечно, смыслѣ, что, хотятъ ли или не хотятъ того участники общественнаго процесса, но онъ ихъ силой притащитъ и поставитъ лицомъ къ лицу съ коммунистическимъ обществомъ, который имъ придется тогда признать и санкціонировать. При такомъ пониманіи дѣла воля и сознаніе личности были бы, дѣйствительно, простой иллюзіей. Но не такова мысль Маркса. Закономѣрность объективнаго общественнаго процесса для него въ томъ и состоитъ, что на извѣстной ступени развитія, люди, эти живые, реальные носители капиталистическаго общества, не могутъ не захотѣть, должны захотѣть соціалистическаго строя. Безъ этого ихъ хотѣнія, внѣ ихъ сознанія, соціалистическій строй не можетъ осуществиться. Но само ихъ сознаніе неизбѣжно и необходимо выталкивается на путь соціалистическихъ стремленій объективнымъ процессомъ развитія капиталистическаго производства. Думали ли обезземеленные крестьяне, когда они въ своемъ стихійномъ бѣгствѣ изъ разоренныхъ деревень устремлялись въ города, объ огромномъ планомѣрномъ обществѣ будущаго съ коммунистической собственностью? Хотѣли ли они его, стремились ли къ нему? Сознательно ли призывалъ соціальную революцію мелкій ремесленникъ, когда конкурренція крупнаго капитала столкнула его въ ряды пролетаріата? Нѣтъ, всѣ эти слои сознательно преслѣдовали свои особые частные интересы, выросшіе въ совсѣмъ иной обстановкѣ. Только тогда,

когда объективный общественный процессъ поставилъ ихъ въ новую обстановку, только тогда, когда онъ ихъ заставилъ мыслить и хотѣть по иному, по новому, они начинаютъ сознательно стремиться къ созданію соціалистическаго общества. Безъ этого сознательнаго стремленія, безъ борьбы за соціалистическое будущее, невозможно нарожденіе новаго общества — и въ этомъ смыслѣ историческій процессъ превращенія капиталистическаго строя въ соціалистическій есть процессъ психическій. Но самъ этотъ психическій процессъ въ своей закономѣрности опредѣляется, детерминируется не психическими мотивами личностей, а независимымъ отъ нихъ и самостоятельнымъ объективнымъ ходомъ вещей.

Какъ мы видимъ, между личностью и соціальнымъ процессомъ происходитъ непрерывное взаимодѣйствіе, но взаимодѣйствіе на основѣ этого соціальнаго процесса, взаимодѣйствіе, для объясненія закономѣрности котораго мы исходимъ изъ общественнаго процесса, какъ первично даннаго *).

*) Было бы ошибкой думать, что вопросъ объ относительномъ значеніи въ историческомъ процессѣ личности и объективнаго взаимоотношенія людей сводится къ такому же праздному спору, какъ вопросъ о томъ, что появилось раньше: курица или яйцо. Здѣсь дѣло идетъ не о хронологическомъ первенствѣ (общество раньше личности или, наоборотъ, личность раньше общества?), такъ какъ въ дѣйствительности оба разбираемыхъ явленія даны одновременно и не отдѣлимы другъ отъ друга. Вопросъ въ томъ, съ какой стороны историческій процессъ виденъ въ своей закономѣрности. Говоря о взаимодѣйствіи обѣихъ разбираемыхъ сторонъ, о томъ, что каждая изъ нихъ поочереди является причиной и слѣдствіемъ, мы не отвѣчаемъ за этотъ вопросъ, а уклоняемся отъ отвѣта. Возьмемъ, для большей ясности, примѣръ изъ области естествознанія. Допустимъ, пренебрегая другими факторами, что вся исторія земли объяс-

Эту объективную точку зрѣнія марксизма обосновываетъ и Энгельсъ въ своемъ „Фейербахѣ". Указавъ на великія открытія (теорія клѣточки, законъ сохраненія энергіи, теорія Дарвина), сдѣлавшія для насъ возможной задачу понять общую связь явленій природы, онъ переходитъ къ вопросу о всеобщихъ законахъ движенія исторіи. Въ началѣ онъ указываетъ на существенное отличіе фактовъ исторіи и естествознанія.

„Если мы оставимъ въ сторонѣ воздѣйствіе человѣка на природу, то въ ней мы замѣчаемъ только безсознательныя, слѣпыя силы, которыя дѣйствуютъ другъ на друга, причемъ общій законъ проявляется въ этомъ взаимодѣйствіи. Ни въ безчисленныхъ кажущихся случайностяхъ, замѣчаемыхъ при поверхностномъ взглядѣ, ни въ окончательныхъ результатахъ, показывающихъ внутреннюю закономѣрность этихъ кажущихся случайностей, мы не видимъ за-

---

няется процессомъ лученспусканія имѣвшейся у ней въ началѣ теплоты. Теряя теплоту, земная поверхность мало-по-малу превращается въ твердую кору, которая благодаря сокращенію земли (происходящему отъ остыванія) морщится, трескается, образуя горы, морскіе бассейны и т. д. Словомъ, всѣ превращенія, происходящія съ поверхностью земли, объясняются по нашей теоріи процессомъ лученспусканія. Но вѣдь и каждое состояніе земной коры вліяетъ, въ свою очередь, на размѣры лученспусканія: чѣмъ меньше поверхность, чѣмъ толще она, тѣмъ меньше лученспусканіе. А разъ лученспусканіе уменьшается, то уменьшаются и измѣненія въ самой корѣ, которыя опять-таки вліяютъ на дальнѣйшее уменьшеніе лученспусканія, и т. д. до безконечности. Процессъ лученспусканія и процессъ измѣненія земной поверхности даны одновременно; межъ ними происходитъ непрерывное взаимодѣйствіе. И все-таки мы говоримъ о взаимодѣйствіи на основѣ закона лученспусканія; и при объясненіи мы исходимъ изъ закономѣрности процесса потери тепла, какъ къ основной какъ активной, какъ формирующей.

ранѣе намѣченной цѣли, сознательнаго дѣйствія воли. Совершенно обратное замѣчается въ исторіи общества.

Здѣсь люди дѣйствуютъ сознательно, по своей волѣ, направленной разсудкомъ или страстями, и стремятся къ опредѣленной цѣли. Безъ извѣстнаго намѣренія, безъ опредѣленной цѣли не совершается ни одинъ поступокъ" *). („Отъ классическаго идеализма", изданіе Алексѣевой, стр. 43).

Здѣсь ясно видно, насколько правильно понимаютъ Маркса и Энгельса тѣ критики, которые называютъ ихъ воззрѣнія иллюзіонизмомъ и упрекаютъ ихъ въ томъ, что они, благодаря своему матеріализму, пренебрегли сознательной личностью. Мы видимъ, наоборотъ, что Энгельсъ (и Марксъ) рѣзко подчеркиваетъ основное отличіе общественныхъ явленій отъ естественныхъ,—именно то, что они прежде всего психическія явленія и дѣлаются людьми, сознательно преслѣдующими каждый свои особыя цѣли. Творцы экономическаго матеріализма не только не

*) Ср. съ этимъ слѣдующее часто цитируемое мѣсто изъ „Капитала" о процессѣ труда: „Паукъ исполняетъ операціи, очень сходныя съ операціями ткача, а пчела способомъ построенія своихъ ячеекъ пристыжаетъ многихъ человѣческихъ строителей. Но между самымъ плохимъ архитекторомъ и самою искусною пчелою есть одно существенное различіе, заключающееся въ томъ, что архитекторъ строитъ свою ячейку въ головѣ прежде, чѣмъ начнетъ лѣпить ее изъ воску. Въ концѣ рабочаго процесса получается результатъ, который, при началѣ этого процесса, уже существовалъ въ представленіи работника, т. е. въ идеѣ. Человѣкъ не только производитъ своею дѣятельностью измѣненіе формы въ данномъ веществѣ природы, но онъ осуществляетъ въ этомъ веществѣ свою цѣль, которую онъ знаетъ напередъ, которая съ принудительностью закона опредѣляетъ способъ его дѣятельности и которой онъ долженъ непрерывно подчинять свою волю". („Капиталъ", переводъ анонима, с. 132).

пренебрегали сознаніемъ людей и не видѣли въ немъ какой-то иллюзіи, но, наоборотъ, главной цѣлью ихъ научной работы было указать, какъ общественное сознаніе изъ неорганизованнаго анархическаго состоянія, въ которомъ результаты людскихъ стремленій расходятся съ самими этими стремленіями, превращается въ организованное, гдѣ люди, овладѣвъ производствомъ, перестаютъ подчиняться продуктамъ своего взаимоотношенія. Знаменитое мѣсто въ „Анти-Дюрингѣ“, гдѣ Энгельсъ говоритъ о скачкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы, и рисуетъ этотъ переходъ изъ состоянія неорганизованнаго общественнаго сознанія въ состояніе организованнаго сознанія *). Огромный ростъ обще-

*) „Разъ общество завладѣваетъ средствами производства,— прекращается производство товаровъ, а вмѣстѣ съ этимъ и господство продукта надъ производителемъ. За господствующей въ общественномъ производствѣ анархіей наступаетъ сознательная организація. Борьба за личное существованіе прекращается. Только такимъ образомъ человѣчество, въ извѣстномъ смыслѣ, окончательно отдѣлится отъ міра животныхъ и перейдетъ отъ условій животнаго существованія къ условіямъ человѣческаго существованія. Вся совокупность условій существованія, господствовавшая до сихъ поръ надъ людьми, подпадаетъ подъ завѣдываніе самихъ людей, которые станутъ такимъ образомъ, впервые господами природы, ибо они станутъ господами своей собственной ассоціаціи. Законы ихъ собственной соціальной дѣятельности, которые существовали внѣ ихъ въ видѣ чуждыхъ, господствовавшихъ надъ ними законовъ, станутъ примѣняться и управляться людьми съ полнымъ знаніемъ дѣла. Сама ассоціація, которая представлялась людямъ какъ данная природой и исторіей, станетъ ихъ собственнымъ свободнымъ дѣломъ. Чуждыя объективныя силы, господствовавшія до сихъ поръ надъ исторіей, поступаютъ подъ наблюденіе людей. Только съ этого момента люди будутъ вполнѣ сознательно творить свою исторію, только съ этого момента приведенныя ими въ дѣйствіе соціальныя силы будутъ въ значительной мѣрѣ и во все возрастающей пропорціи приводить

ственной сознательности —вотъ что прежде всего приноситъ съ собой будущій строй. Какое огромное—прямо исключительное значеніе приписываютъ Марксъ и Энгельсъ роли сознанія въ исторіи, видно изъ того, что главнымъ рычагомъ пролетарской политики они считаютъ пробужденіе классоваго самосознанія пролетаріата, развитіе его и т. д. Вся политика соціалъ-демократіи и вертится, какъ вокругъ оси, около этой задачи. Развитіе классоваго самосознанія пролетаріата—вотъ тотъ яркій маякъ, которымъ руководствуется соціалъ-демократія, чтобъ не разбиться о подводные камни повседневной политики. Все то, что затемняетъ классовое самосознаніе пролетаріата, какія бы временныя выгоды оно ни давало, отвергается; все то, что способствуетъ просвѣтлѣнію его, является крайне важнымъ. Въ сравненіи съ этой основной задачей пролетарской политики остальные вопросы являются лишь второстепенными, побочными.—Но именно для того, чтобъ умѣть въ сложномъ переплетѣ общественныхъ событій разобрать, что́ содѣйствуетъ росту самосознанія пролетаріата и что́ мѣшаетъ ему, надо узнать, чѣмъ объективнымъ опредѣляется само это развитіе классоваго сознанія, надо подчеркнуть тотъ фактъ, что сознаніе пролетаріата, въ свою очередь, является лишь производнымъ факторомъ, зависящимъ отъ закономѣрнаго развитія общественной жизни, общественнаго бытія.

Но все это только мимоходомъ. Итакъ, Энгельсъ указываетъ, что въ отличіе отъ физическаго процесса историческій процессъ имѣетъ своего носителя въ личности, дѣйствующей сознательно, по своей волѣ,

---

къ желаннымъ результатамъ. Это прыжокъ человѣческаго рода изъ царства необходимости въ царство свободы. Совершить это освобождающее міръ дѣйствіе—такова историческая миссія севременнаго пролетаріата". (Anti—Dühring с. 305—306).

для достиженія извѣстныхъ цѣлей. „Но, продолжаетъ онъ, какъ ни важно это различіе для историческаго изслѣдованія, въ особенности, отдѣльныхъ эпохъ и событій, оно все таки не въ состояніи поколебать того факта, что ходъ исторіи подчиняется всеобщимъ внутреннимъ законамъ. Въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь, несмотря на то, что каждая отдѣльная личность сознательно стремится къ заранѣе намѣченной цѣли, на поверхности явленій въ общемъ господствуетъ случай. Желаемое достигается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, по большей части намѣченныя цѣли перекрещиваются и противодѣйствуютъ другъ другу; иногда же цѣли сами по себѣ оказываются недостижимыми, либо средства къ ихъ достиженію являются недостаточными. Такимъ образомъ результаты безчисленнаго множества взаимодѣйствій единичныхъ желаній и поступковъ въ области исторіи аналогичны результатамъ безсознательнаго взаимодѣйствія силъ природы. Несмотря на заранѣе намѣченную цѣль поступковъ, ихъ дѣйствительные результаты оказываются вовсе нежелательными, а иногда, хотя и кажется, что они соотвѣтствуютъ цѣли, но въ концѣ концовъ они приводятъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Такимъ образомъ, кажется, что случайность въ общемъ господствуетъ и въ области историческихъ явленій. Но тамъ, гдѣ на поверхности явленій господиномъ кажется случай, этимъ случаемъ всегда управляетъ скрытый законъ, и вся задача состоитъ только въ томъ, чтобы открыть его“ (с. 44).

Такимъ образомъ, какъ результатъ взаимоотношенія сознательныхъ личностей получается нѣчто, вполнѣ или значительно отличное отъ того, чѣмъ побуждались отдѣльныя личности въ своихъ поступкахъ. Общественная ариѳметика создаетъ сумму, которая совсѣмъ отлична отъ составляющихъ ее сла-

гаемыхъ. И именно эта общественная сумма, эта равнодѣйствующая взаимоотношенія сознательныхъ личностей, подчинена своей особой закономѣрности, которую должна вскрывать и изучать историческая наука. Субъективныя желанія множества отдѣльныхъ людей, преслѣдующихъ каждый свои особыя цѣли, сливаются въ одинъ объективный процессъ, аналогичный, какъ говоритъ Энгельсъ, процессамъ — результатамъ взаимодѣйствія безсознательныхъ силъ природы. Такъ, широкій потокъ складывается изъ безчисленнаго множества капелекъ воды, но не эти капельки опредѣляютъ направленіе и быстроту потока, а наоборотъ, потокъ въ своемъ закономѣрномъ движеніи опредѣляетъ ихъ для отдѣльныхъ капелекъ.

На этомъ мы оборвемъ дѣлаемый Энгельсомъ анализъ историческаго процесса, не касаясь того, какъ въ борьбѣ классовъ, выросшей на почвѣ экономическаго развитія, онъ находитъ „скрытый законъ", управляющій ходомъ исторіи. Намъ нужно было пока установить лишь одинъ пунктъ—объективизмъ ученія Маркса и Энгельса. Объективизмъ въ общественныхъ наукахъ—это значитъ, что для изслѣдователя на первый планъ выдвигается взаимоотношеніе людей и продукты его, а не сами эти люди. Объективизмъ въ исторіи—это значитъ, что личность разсматриваютъ не какъ основной факторъ историческаго процесса, а какъ производный, это значитъ, что въ личности видятъ не творца исторіи, а твореніе ея. Не трудно видѣть, что объективизмъ—это не какой-то всеобщій законъ историческаго развитія, дающій общую формулу, примѣнимую ко всѣмъ временамъ и народамъ. Это только методологическое требованіе, требованіе для научнаго изслѣдованія исходить изъ соціальной,

коллективистической стороны историческаго процесса, а не изъ психологической, индивидуальной. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что и историческій матеріализмъ—та спеціальная форма, которую принимаетъ объективизмъ у Маркса и Энгельса—есть тоже методологическое требованіе, а не всеобщая формула историческаго процесса *).

3.

Съ разобраннымъ нами вопросомъ о роли сознательной личности въ исторіи (т. е. о личности, какъ основномъ факторѣ историческаго процесса) тѣсно связанъ болѣе частный, но важный, вопросъ о роли выдающихся личностей, великихъ людей. Нарушаютъ ли великіе люди историческую закономѣрность, которую раскрываетъ объективная, соціологическая точка зрѣнія, или нѣтъ,—и если нѣтъ, то какое значеніе имѣютъ они въ общемъ ходѣ исторіи?

*) На точкѣ зрѣнія объективизма стоятъ такіе выдающіеся соціологи, какъ Зиммель, Дюркгеймъ, Гумпловичъ. Вотъ какъ, напримѣръ, выражается этотъ послѣдній: „Научное изложеніе исторіи должно бы поступать именно обратно; не изъ духовныхъ свойствъ и намѣреній отдѣльныхъ личностей должна бы исторія выводить историческія событія и дѣянія (какъ будто эти дѣянія дѣлаются личностями), напротивъ, она должна намъ показать, какъ духовныя свойства и намѣренія этихъ отдѣльныхъ личностей направленіемъ своихъ идей и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствій, необходимо подчиняются потребностямъ общественныхъ единицъ, ихъ включающихъ". („Соціологія и политика", с. 21.) „Не личность, творящая соціальныя условія себѣ на радость и пользу, по своей свободной волѣ и хорошо обдуманному плану—предметъ соціологіи; напротивъ предметъ, соціологіи составляетъ система движеній соціальныхъ группъ, повинующихся столь же неизмѣннымъ законамъ, какъ солнце, планеты и т. д." (Ib., 52).

Роль въ исторіи героевъ, великихъ личностей несомнѣнна: это фактъ самаго простого, обыденнаго наблюденія. Можно спорить о размѣрахъ историческаго вліянія отдѣльной личности, но отрицать его немыслимо. Конечно, замѣчанія въ родѣ приведеннаго выше парадокса Паскаля, страшно преувеличены; но если и уменьшить во много разъ приписываемое Паскалемъ отдѣльному лицу значеніе, то и тогда оно можетъ показаться вполнѣ достаточнымъ, чтобъ внести въ исторію огромный элементъ случайности. Словомъ, роль великой личности не подлежитъ сомнѣнію, но въ то же время для современнаго, выросшаго на точной наукѣ, сознанія крайне тягостна необходимость признать это ни съ чѣмъ несоразмѣрное, непропорціональное вліяніе. Несоразмѣрность, непропорціональность между ничтожествомъ отдѣльной личности—какъ бы велика она ни была—и тѣмъ огромнымъ дѣйствіемъ, которое она можетъ произвести въ общественной средѣ, должна быть такъ или иначе устранена для современной мысли.

Прежде говорили, что маленькія причины часто производятъ огромное дѣйствіе. Въ настоящее время мы, выросшіе на принципѣ сохраненія энергіи, не признаемъ этого положенія и всегда стараемся установить равенство причины и дѣйствія. Если зажженная спичка, когда ее приложатъ къ пороху, производитъ страшный взрывъ, то говоримъ мы, дѣло не въ спичкѣ, а въ потенціальной энергіи пороха, разряжающейся черезъ посредство спички и переходящей въ кинетическую энергію взрыва, которой она равна по количеству. Спичка, съ этой точки зрѣнія, не причина, а поводъ, условіе.—Если слабымъ нажатіемъ руки мы спустили туго натянутую пружину и получили огромное дѣй-

ствіе, то дѣло не въ слабомъ нажатіи руки, а въ той огромной потенціальной энергіи, которая заключалась въ натянутой пружинѣ: нажатіе руки—это только поводъ, условіе, способствующее высвобожденію потенціальной энергіи пружины и превращенію ея въ равновеликую кинетическую.—Если отъ ничтожного звука обрушивается лавина и производитъ страшныя опустошенія, то дѣло не въ ничтожномъ звукѣ, а въ потенціальной энергіи нависшей надъ долиной лавины.—Если отъ копѣечной свѣчки сгорѣла Москва, то дѣло не въ копеечной свѣчкѣ, а въ потенціальной энергіи того легко воспламеняющагося матеріала, изъ котораго состояли московскія постройки. И т. д., и т. д.

Ту же точку зрѣнія мы должны примѣнить и къ общественнымъ явленіямъ. И здѣсь нѣтъ маленькихъ причинъ, производящихъ большія дѣйствія. Есть только маленькія условія, высвобождающія скрытую энергію общественнаго взаимоотношенія и придающія ей видимую, всѣмъ доступную форму. Если генералъ распоряжается огромной силой цѣлой арміи, если онъ является безконтрольнымъ властелиномъ надъ судьбой каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, то не потому, что онъ является носителемъ особаго генеральскаго „естества“, безконечно превосходящаго естество обыкновенныхъ смертныхъ, начиная съ солдатъ и кончая полковниками. Дѣло только въ томъ, что въ его рукахъ сосредоточена огромная потенціальная энергія общественной организаціи, называемой арміей. Имя этой потенціальной энергіи организованныхъ солдатскихъ массъ—дисциплина, и какъ только она распылится, какъ только потеряется по какимъ-либо причинамъ дисциплина, генералъ возвращается въ общее всѣмъ первобытное

состояніе. Въ октябрѣ и ноябрѣ прошлаго года многимъ россійскимъ генераламъ пришлось испытать этотъ непріятный фактъ.

То же приходится сказать и о великихъ личностяхъ, этихъ любимцахъ политической, прагматической исторіи. Они являются лишь запаломъ, приложеннымъ къ той огромной взрывчатой массѣ, какой является, особенно въ извѣстные критическіе моменты, состояніе народовъ. И не въ ихъ дѣйствіяхъ надо искать причинъ общественныхъ переворотовъ, а въ состояніи общества, дѣлающемъ возможнымъ такіе огромные взрывы. Уже Монтескье объяснялъ паденіе римской республики не честолюбіемъ Помпея или Цезаря, а тѣмъ порядкомъ вещей, который создаетъ благопріятную почву для успѣховъ талантливыхъ честолюбцевъ.

Состояніе обществъ въ извѣстныя эпохи мы сравнили съ состояніемъ взрывчатыхъ веществъ. Но есть одинъ существенный пунктъ, отличающій историческія явленія отъ естественно-научныхъ: въ процессѣ своего развитія общество само создаетъ ту спичку, тотъ запалъ, который переводитъ его потенціальную энергію въ кинетическую. Въ этомъ смыслѣ общество какъ бы самовозгорающееся вещество. И мало того: личности—запалы появляются именно тогда, когда они нужны. Конечно, не слѣдуетъ понимать этого въ какомъ-то провиденціальномъ смыслѣ, не нужно думать, будто есть какая-то предустановленная гармонія между обществомъ и необходимыми ему вождями и будто общественный организмъ такъ цѣлесообразно устроенъ, что онъ всегда въ нужный моментъ выдвинетъ самую подходящую личность. Но если такой абсолютной цѣлесообразности нѣтъ, то во всякомъ случаѣ имѣется довольно значительная эмпирическая цѣлесообразность.

Общественная потребность въ вождяхъ—въ разныхъ областяхъ—такъ или иначе, но находитъ себѣ удовлетвореніе.

Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что великіе люди не такъ ужъ велики и одиноки въ своемъ величіи, какъ это представляется въ увеличивающей перспективѣ обычнаго историческаго изложенія. Для ходячаго представленія великій человѣкъ—это какая-то Гималайская вершина, одиноко высящаяся надъ пустыней среднихъ человѣчковъ, отдѣляемая этой огромной пустыней отъ другой одинокой вершины, и т. д. Для болѣе же внимательнаго изученія эти высочайшія верхушки человѣческой дѣятельности и творчества покоятся на высокомъ хребтѣ довольно значительнаго количества талантовъ, который, въ свою очередь, стоитъ на высокомъ плоскогоріи менѣе значительныхъ талантовъ и т. д. постепенными переходами вплоть до обширной низменности, гдѣ копошится обыденное человѣчество. И въ этомъ вопросѣ о великихъ людяхъ узко революціонная, катастрофическая точка зрѣнія должна быть замѣнена эволюціонной *).

*) О великихъ людяхъ вообще приходится сказать то, что Тэнъ говоритъ о великихъ художникахъ и ихъ связи съ окружающей ихъ семьей художниковъ: „Вокругъ Шекспира, который, съ перваго взгляда, кажется какимъ то чудомъ, свалившимся къ намъ съ неба, аэролитомъ, упавшимъ изъ предѣловъ другого міра, мы находимъ дюжину отличныхъ драматическихъ писателей: Вебстера, Форда, Массингера, Марло, Бенъ-Джонсона, Флетчера и Бомона, которые писали такимъ же стилемъ и въ томъ же духѣ, какъ онъ. Ихъ драматическія произведенія носятъ на себѣ тѣ же характеристическія черты; вы найдете тамъ тѣ же дикія и ужасныя лица, тѣ же кровавыя и неожиданныя развязки, тѣ же быстрыя и необузданныя страсти, тотъ же безпорядочный, причудливый, рѣзкій, и вмѣстѣ роскошный стиль, то же превосходное поэтическое чутье сельской природы и пейзажа, тѣ же нѣжные и глубоко любящіе типы женщинъ. Равнымъ образомъ, Рубенсъ кажется

Во-вторыхъ,—и это очень важно,—можно принять, что, вообще говоря, способность общества давать великихъ людей, т. е. людей, обладающихъ исключительно мощными дарованіями въ разныхъ областяхъ творчества, величина постоянная *).

лицомъ одинокимъ, безъ предшественниковъ и безъ послѣдователей. Но стоитъ лишь отправиться въ Бельгію и зайти тамъ въ церкви въ Гентѣ, Брюсселѣ, Брюгге и Антверпенѣ, чтобы увидѣть цѣлую группу живописцевъ, схожихъ съ нимъ по таланту; во-первыхъ—Крейеръ, считавшійся, въ свое время, соперникомъ его, Сегхерсъ, Ванъ-Оостъ, Эвердингенъ, Ванъ-Гульденъ, Квеллинъ, Гондтгорстъ и другіе, наконецъ, извѣстные вамъ Іордансъ, Ванъ-Дейкъ, которые всѣ понимали живопись въ его духѣ и всѣ, помимо иныхъ личныхъ особенностей, представляютъ явное между собою сродство. Подобно Рубенсу, они предпочли изображеніе цвѣтущаго, здороваго тѣла, роскошнаго, кипящаго жизнью движенія, рѣзкаго кроваваго румянца, этого признака жизни,—предпочли изображенію дѣйствительныхъ, часто грубыхъ типовъ, порыва и увлеченія прихотливой страсти, пышныхъ лоснящихся и нестрѣющихъ тканей, блеска, пурпура и шелка, волнующейся и свивающейся драпировки. Теперь, славою ихъ великаго современника, они какъ будто совершенно уничтожены: но все-таки не менѣе достовѣрно то, что для пониманія Рубенса необходимо собрать вокругъ него этотъ снопъ талантовъ, въ которомъ онъ высится лишь самымъ видимымъ стеблемъ,—этотъ кружокъ художниковъ, въ которомъ онъ является самымъ знаменитымъ представителемъ". („Чтенія объ искусствѣ", переводъ Чудинова, с. 4). Эти замѣчанія примѣнимы ко всѣмъ родамъ человѣческой дѣятельности: Наполеонъ тоже не былъ упавшимъ съ неба аэролитомъ; вокругъ него толпилось около дюжины талантливыхъ и талантливѣйшихъ полководцевъ, изъ которыхъ иные были его соперниками по славѣ. И Ньютонъ былъ лишь самымъ видимымъ стеблемъ въ богатомъ снопѣ талантливыхъ физиковъ и математиковъ XVII вѣка. И волшебникъ Эдиссонъ окруженъ семьей великихъ и малыхъ изобрѣтателей и даже поставилъ на капиталистическую ногу фабрикацію изобрѣтеній, и т. д. и т. д.

*) „Дѣйствительно, есть нравственная (курсивъ Тэна) температура, заключающаяся въ общемъ умственномъ и нрав-

Если допустить это, то тогда еще болѣе суживается самостоятельная роль великихъ людей, героевъ: общество въ любую эпоху имѣетъ опредѣленное количество,—такъ сказать, постоянный фондъ—выдающихся личностей, которыхъ оно посылаетъ въ нужномъ ему направленіи. Состояніе общества, его потребности, являются поэтому опредѣляющимъ моментомъ въ дѣятельности великихъ

ственномъ состояніи и дѣйствующая точно такъ же, какъ и другая. Собственно говоря не она производитъ художниковъ; геніи и таланты даются такъ же, какъ и сѣмена, т. е. въ одной и той же странѣ, въ различныя эпохи, по всей вѣроятности бываетъ одинаковое число даровитыхъ людей и посредственностей. Въ самомъ дѣлѣ, изъ статистики извѣстно, что въ двухъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ находится почти одно и то же число людей годныхъ для рекрутскаго набора и негодныхъ за малорослостью. По всѣмъ вѣроятіямъ, относительно умовъ происходитъ то же, что и относительно тѣла, и природа, эта сѣятельница людей, черпая постоянно одной и той же рукой изъ одного и того же вмѣстилища, разбрасываетъ зерна почти въ одинаковомъ количествѣ, одного и того же качества и въ одинаковомъ размѣрѣ въ различныя почвы, правильно и попеременно ею засѣваемыя. Но изъ этихъ пригоршней зеренъ, которыя она разбрасываетъ вокругъ себя, отмежевывая время и пространство, далеко не всѣ принимаются. Необходима извѣстная нравственная температура, чтобы нѣкоторые таланты достигли своего развитія; при отсутствіи ея они гибнутъ". („Чтенія объ искусствѣ", с. 34). Нравственная температура, т. е. извѣстная общественная атмосфера, извѣстное состояніе общества, которое и опредѣляетъ въ конечномъ счетѣ судьбу великихъ людей.—Ср. также аналогичное замѣчаніе Бельтова о техническомъ прогрессѣ: „Въ историческомъ процессѣ развитія производительныхъ силъ способность человѣка къ „дѣланію орудія" приходится разсматривать прежде всего, какъ величину постоянную (курсивъ Бельтова), а окружающія внѣшнія условія употребленія въ дѣло этой способности, какъ величину постоянно измѣняющуюся". („Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда", изданіе автора, с. 114).

людей. „Если бы св. Августинъ жилъ въ XVII вѣкѣ, говоритъ Бокль, то онъ навѣрное преобразовалъ бы или пересоздалъ естественныя науки. Если бы сэръ Исаакъ Ньютонъ жилъ въ IV столѣтіи, то онъ организовалъ бы новую секту и смутилъ бы спокойствіе церкви новостью своихъ воззрѣній". („Исторія цивилизаціи въ Англіи", переводъ Буйницкаго, стр. 314).

Такимъ образомъ, какъ ни несомнѣнна роль великой личности, она не выходитъ изъ рамокъ закономѣрнаго объясненія историческаго процесса въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы это выше говорили. Великая личность больше беретъ отъ общества, чѣмъ даетъ ему. По отношенію къ своей эпохѣ она—если взять военное сравненіе—не полководецъ, ведущій армію за собой туда, куда ему нужно; она лишь развѣдчикъ, идущій далеко впереди массы, но по ея дѣлу и порученію, и видящій поэтому гораздо дальше, чѣмъ она.

Дѣятельность великихъ людей всегда выдвигается, какъ явленіе, не укладывающееся въ рамки закономѣрнаго пониманія исторіи. Въ частности противъ историческаго матеріализма—этой высшей формы соціальнаго детерминизма—выдвигается особенно роль великихъ изобрѣтеній и открытій (которая, конечно, сейчасъ же переходитъ въ роль великихъ изобрѣтателей, изслѣдователей и т. д.). Въ теоріи историческаго матеріализма огромную роль играютъ факты техническаго прогресса, съ которымъ связанъ ростъ производительныхъ силъ, этого перваго, какъ увидимъ, двигателя историческаго процесса. Но техническій прогрессъ зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго таланта изобрѣтатели: исторія техническаго прогресса—это исторія открытій и изобрѣтеній. Такимъ образомъ, закономѣрность

историческаго процесса ставится въ зависимость отъ закономѣрности въ исторіи изобрѣтеній. А такъ какъ предполагается, что въ этой послѣдней исторіи исключительное мѣсто приходится на долю индивидуальнаго творчества личности и случайности ея появленія, то историческій матеріализмъ „по законамъ діалектики“ превращается въ свою противоположность: не общественное бытіе опредѣляетъ сознаніе людей, а наоборотъ, технически-творческое сознаніе людей опредѣляетъ ихъ общественное бытіе; идеи правятъ міромъ, и матеріалистическое пониманіе исторіи само неизбѣжно приводитъ къ идеалистическому пониманію ея. Такъ мститъ за себя попраніе историческихъ правъ личности!

Изъ предыдущаго изложенія видно, что для историческаго матеріализма дѣло не обстоитъ такъ безнадежно плохо. Если вообще роль великой личности, роль ея иниціативы ограничена общественными условіями, въ которыхъ она живетъ, то тѣмъ болѣе приходится это сказать о роли личнаго почина въ вопросахъ техники, гдѣ затрагиваются самыя жизненныя, самыя насущныя потребности общества. Даже въ области самыхъ отвлеченныхъ наукъ открытія падаютъ не съ неба, а опредѣляются общимъ культурнымъ состояніемъ и въ частности состояніемъ той спеціальной области общественнаго труда, которую представляетъ собой данная наука. Открытіе Ньютономъ теоріи тяготѣнія обязано не исключительно его генію и случайно упавшему съ дерева яблоку. Если здѣсь и можно говорить о яблокѣ, то только въ томъ случаѣ, что само это открытіе было къ эпохѣ Ньютона почти вполнѣ зрѣлымъ яблокомъ, и нужно было только достаточно сильному человѣку тряхнуть дерево познанія, чтобъ оно упало къ его ногамъ. И извѣстно,

что цѣлый рядъ предшественниковъ и современниковъ Ньютона были совсѣмъ близки къ тождественному рѣшенію занимавшей тогда всѣ умы проблемы движенія небесныхъ тѣлъ (напр., весьма талантливый физикъ Гукъ, требовавшій даже первенства для себя въ этомъ открытіи). А споръ того же Ньютона съ Лейбницемъ о первенствѣ въ открытіи дифференціальнаго исчисленія (не касаясь уже ихъ многочисленныхъ предшественниковъ)—это просто классическій примѣръ того, какъ научная потребность, когда она назрѣваетъ, находитъ свое разрѣшеніе. А открытіе неэвклидовой геометріи независимо другъ отъ друга и одновременно Лобачевскимъ, Гауссомъ и венгерцемъ Болія? А роль Майера, Гельмгольца и Джауля въ вопросѣ о сохраненіи энергіи? А Марксъ и Энгельсъ (не говоря опять-таки о талантливыхъ современикахъ и предшественникахъ и оставляя въ сторонѣ позднѣйшія, но независимыя, работы Моргана) въ вопросѣ объ экономическомъ матеріализмѣ? А Дарвинъ и Уоллесъ? А Махъ и Авенаріусъ? И т. д. и т. д. Примѣры этого рода такъ многочисленны, что можно было бы выставить, какъ эмпирическій законъ, что великія научныя открытія являются двойнями и даже тройнями. Геніи-близнецы, вотъ обычный типъ великихъ людей въ наукѣ, притомъ близнецы, окруженные многочисленной родственной семьей большихъ и малыхъ талантовъ.

Если, такимъ образомъ, въ области отвлеченнаго знанія великія открытія не падаютъ съ неба, подобно аэролитамъ—какъ выражается Тэнъ—то тѣмъ болѣе приходится это сказать о такомъ прикладномъ практическомъ знаніи, какъ техническое. Зависимость здѣсь открытій и изобрѣтеній отъ потребностей общества еще несравненно больше, еще тѣснѣе.

Здѣсь можно въ буквальномъ смыслѣ утверждать, что общество является настоящимъ заказчикомъ, и тотъ заказъ, который оно дѣлаетъ человѣческой изобрѣтательности, будетъ непремѣнно такъ или иначе сдѣланъ,—конечно, если только онъ исполнимъ, а не является чѣмъ-нибудь въ родѣ regretuum mobile. Изобрѣтатели предполагаютъ, а нужды общества повелительно располагаютъ.

Зависимость техническаго прогресса отъ состоянія общества такъ ясна, такъ непосредственно близка, что здѣсь собственно и нельзя указать такихъ ослѣпительныхъ, подчасъ потрясающихъ открытій, какія поражаютъ въ области чистаго знанія. Открытія и усовершенствованія идутъ нога въ ногу съ требованіями промышленности, слагаясь въ своей массѣ не изъ какихъ-нибудь необычайныхъ новинокъ, а изъ мелкихъ, постепенно накопляющихся улучшеній. Техническія открытія болѣе другихъ носятъ на себѣ печать коллективнаго творчества. Это примѣнимо, конечно, особенно къ нашей лихорадочно живущей эпохѣ, съ ея огромнымъ научно-техническимъ аппаратомъ, съ ея многочисленной и все растущей арміей техниковъ, инженеровъ, изобрѣтателей всякаго рода. Но это — хотя и въ меньшей степени — вѣрно и объ открытіяхъ прежняго времени. „Критическая исторія технологіи, говоритъ Марксъ, могла бы показать вообще, что едва ли хотя одно изъ изобрѣтеній XVIII столѣтія принадлежитъ сполна кому-нибудь одному“ („Капиталъ“, с. 323). То же самое придется сказать и о такихъ революціонизировавшихъ средне-вѣковое общество открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, какъ открытіе Америки, изобрѣтеніе книгопечатанія, пороха и т. д.*)

*) См. объ этихъ открытіяхъ, напримѣръ, у Меринга въ его брошюрѣ объ историческомъ матеріализмѣ (составляющей при-

Словомъ, ни великія личности вообще, ни великія изобрѣтенія въ частности, не нарушаютъ закономѣрности историческаго процесса. Наоборотъ, можно именно на примѣрѣ великихъ людей и безъ всякой тѣни парадоксальности показать, что въ нихъ въ особенно яркой и очевидной формѣ выражается детерминизмъ и закономѣрность соціальнаго бытія. Великіе люди—это только зажигательныя стекла общественной жизни, собирающіе въ одну ослѣпительно яркую точку разсѣянный пучекъ свѣтовыхъ лучей. И подобно тому, какъ наблюдаемыя, благодаря собирательному стеклу, оптическія явленія не нарушаютъ законовъ распространенія свѣта, а только блестящимъ образомъ подтверждаютъ ихъ, такъ и въ исторіи дѣятельность великихъ людей является не нарушеніемъ, а самымъ блестящимъ подтвержденіемъ детерминированности общественныхъ явленій. Это было бы ужъ давно и безповоротно признано, если бы въ писаніи исторіи вообще, а исторіи наукъ, техники, литературы и т. д., въ частности, не было еще такъ много миѳологическаго и легендарнаго.

Но чѣмъ больше проникаетъ въ прошлое научное изслѣдованіе, чѣмъ больше предъ нами предстаетъ исторія въ своей прозѣ—но и въ своей правдѣ,—тѣмъ больше великая личность раскрывается намъ, не какъ творецъ эпохи, а какъ лучшее твореніе ея. А это и значитъ, что соціальная закономѣрность осуществляется черезъ героевъ такъ же, какъ и

ложеніе къ его книгѣ о Лессингѣ). Тамъ же о трагической судьбѣ явившихся не во время открытій (напр. паровой машины Денисомъ Папиномъ въ концѣ XVII в.). „Не открытія создаютъ экономическій переворотъ, формулируетъ свою мысль Мерингъ, а экономическій переворотъ создаетъ открытіе". (Die Lessing-Legende, 456.)

черезъ массу, подобно тому, какъ она осуществляется не только въ мирныя эпохи развитія, но и въ революціонные періоды,—и особено, можетъ быть, наглядно въ періоды революціонныхъ бурь. Великіе люди приходятъ въ свѣтъ не нарушать историческій законъ, а исполнить его.

4.

Итакъ, мы пришли къ тому заключенію, что исходнымъ пунктомъ научнаго изслѣдованія историческаго процесса является взаимоотношеніе составляющихъ общество личностей въ различныхъ его формахъ. Подобно тому, какъ статистикъ имѣетъ дѣло съ статистическимъ итогомъ изучаемаго имъ явленія—съ годовымъ среднимъ числа рождаемостей, браковъ и т. д.—а не съ отдѣльными вошедшими въ него единицами, такъ и научный историкъ исходитъ только изъ извѣстнаго общественнаго итога, а не изъ мотивовъ и дѣйствій отдѣльныхъ личностей, создавшихъ своимъ взаимоотношеніемъ этотъ общественный итогъ. Хозяйственный строй, политическій строй, право и т. д.—вотъ имена нѣкоторыхъ такихъ итоговъ, надъ которыми работаетъ мысль историка.

Но являются ли эти соціальныя категоріи послѣднимъ словомъ научнаго анализа? Не должны ли мы итти дальше, чтобъ отыскать связь между этими элементами общественной жизни, подобно тому, какъ ученые установили ее относительно химическихъ элементовъ? Научной мысли трудно помириться съ существованіемъ цѣлаго ряда самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга силъ, факторовъ: она требуетъ отъ насъ сведенія независимыхъ элементовъ къ наименьшему числу, она требуетъ мо-

низма. Въ данномъ случаѣ было бы особенно странно, чтобы перечисленные факторы—всѣ продукты общественнаго взаимоотношенія, хотя и совершающагося въ различныхъ направленіяхъ—были вполнѣ чужды другъ другу, вполнѣ независимы межъ собой, и развивались бы въ исторіи каждое по своимъ особымъ, самостоятельнымъ законамъ. Общественное цѣлое—хотя оно и не организмъ—но оно все-таки единое цѣлое, а мы, повидимому, разсѣкли его на множество отдѣльныхъ частей, ведущихъ каждая свое самостоятельное существованіе. Между тѣмъ факты на каждомъ шагу указываютъ на существованіе связи между этими „факторами". Хозяйственный строй общества вліяетъ на его политическій строй и, обратно, испытываетъ на себѣ его вліяніе; оба они, въ свою очередь, вліяютъ на право, которое опять таки вліяетъ на каждое изъ нихъ въ отдѣльности, и т. д. Словомъ, передъ нами на лицо фактъ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ факторовъ. Но можетъ ли удовлетворить насъ этотъ фактъ взаимодѣйствія? Очевидно, онъ указываетъ на существованіе связи между взаимодѣйствующими элементами, но онъ не указываетъ, въ чемъ состоитъ эта связь,—а это и есть самое главное въ интересующемъ насъ вопросѣ о закономѣрности историческаго процесса.

Въ физикѣ мы тоже имѣемъ цѣлый рядъ взаимодѣйствій между различными физическими силами: электрическія явленія вызываютъ магнитныя, свѣтовыя, тепловыя и т. д., и, въ свою очередь, эти послѣднія въ самыхъ разнообразныхъ формахъ вліяютъ другъ на друга и на электрическія явленія. Но этотъ фактъ „взаимодѣйствія" физическихъ силъ самъ по себѣ не могъ служить для объясненія физическихъ явленій. Наоборотъ, его именно потребо-

валось объяснить, найдя высшее единство физическихъ процессовъ. Это единство и было дано въ основномъ законѣ естествознанія, въ законѣ сохраненія и превращенія энергіи. Съ точки зрѣнія этого основного закона прежнія „силы“ стали лишь различными формами, видоизмѣненіями единой энергіи. Если понятіе силы и сохраняется еще въ наукѣ, то только какъ вспомогательное, для удобства изложенія.

Но если въ естествознаніи „взаимодѣйствіе“ подъ конецъ привело къ признанію и установленію внутренняго единства взаимодѣйствующихъ факторовъ, то тѣмъ болѣе можемъ мы ожидать этого отъ общественныхъ „факторовъ“, являющихся элементами не первичными, какъ силы природы, а вторичными, производными, начинающимися лишь вмѣстѣ съ появленіемъ общественной жизни.

Мы выше замѣтили, что всѣ эти факторы суть лишь различныя стороны общественнаго взаимоотношенія людей. Значитъ, искомое единство, если оно существуетъ, должно быть открыто въ самомъ фактѣ взаимоотношенія, въ самомъ этомъ коренномъ явленіи общественной жизни. Ключъ къ пониманію единства и закономѣрности историческаго процесса надо искать именно здѣсь.

Въ чемъ же заключается сущность общественнаго взаимоотношенія людей (иначе говоря, общественной жизни)? Чтобы отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ, не надо упускать изъ виду слѣдующихъ соображеній.

Во-первыхъ, не слѣдуетъ разсматривать общественное взаимоотношеніе съ его чисто формальной стороны. Такъ, напримѣръ, подошелъ къ интересующему насъ вопросу Зиммель въ своей попыткѣ построенія задачъ общей соціологіи. Зиммель совсѣмъ своеобразно понимаетъ слово „общество“ и

сообразно съ этимъ предметъ соціологіи. Его интересуютъ не исторически существующія и существовавшія общества—первобытныя общины дикарей, различныя племена и народы и пр.—его интересуетъ общество вообще, т. е. всякая совокупность людей, объединенныхъ какой-нибудь задачей въ одно цѣлое. Клубъ и войско, парламентъ и нація, цехи и классы—все это въ смыслѣ Зиммеля общества, такъ какъ всѣ они представляютъ собой извѣстнаго рода организаціи людей, извѣстнаго рода взаимоотношенія ихъ. Соціологія занимается только формальной стороной жизни этихъ обществъ, а не матеріальной; она занимается лишь тѣми явленіями, которыя вытекаютъ изъ факта взаимоотношенія людей, какъ такового,—и только. Содержаніе же жизни „обществъ“ ее не интересуетъ, да и не можетъ интересовать: дѣйствительно, что общаго въ смыслѣ содержанія можетъ быть въ исторіи какого-нибудь политическаго клуба или извѣстной націи, побѣдоноснаго войска Наполеона или цеховъ конца среднихъ вѣковъ?—Рѣшительно ничего. Но съ формальной стороны мы во всѣхъ нихъ найдемъ нѣчто общее. Во всѣхъ нихъ мы найдемъ фактъ распаденія на партіи и различныя комбинаціи этихъ партій между собою; во всѣхъ нихъ мы встрѣтимъ противоположность личности и группы, образованіе вождей; во всѣхъ найдемъ однородные способы самосохраненія: образованіе особаго корпоративнаго духа, особой корпоративной чести и т. д. Всѣ явленія этого рода, вытекающія изъ формальнаго разсмотрѣнія факта взаимоотношенія, и составляютъ предметъ соціологіи.

Зиммель—одинъ изъ крупнѣйшихъ соціологовъ, придерживающихся объективной точки зрѣнія при изученіи общественныхъ явленій. Но его соціологи-

ческая теорія разсматриваетъ общественное взаимоотношеніе съ такой стороны, что сразу лишаетъ насъ возможности изслѣдовать историческій процессъ и объяснить его. Да историческій процессъ собственно и не интересуетъ Зиммеля. Беря предметомъ своего изслѣдованія не историческія, не естественно сложившіяся, такъ сказать, общества, а болѣе или менѣе постоянныя соединенія людей всякаго рода, онъ сознательно устраняется отъ разсмотрѣнія историческаго процесса.

Итакъ, къ изученію общественнаго взаимоотношенія надо подойти не съ формальной, а съ его матеріальной, внутренней, стороны. Но этого отрицательнаго условія мало. Искомое содержаніе общественнаго взаимоотношенія должно быть взято настолько обще и широко, чтобы охватить собой не тѣ или иныя отдѣльныя общественныя явленія, а общественный процессъ въ его цѣломъ для всѣхъ историческихъ обществъ („историческихъ" — въ отличіе отъ обществъ въ смыслѣ Зиммеля). Съ другой же стороны, оно должно быть настолько гибко и измѣнчиво, настолько конкретно, чтобы соотвѣтствовать гибкости и измѣнчивости конкретнаго историческаго процесса. Пояснимъ эту мысль на какомъ-нибудь примѣрѣ. Возьмемъ извѣстную теорію французскаго соціолога Тарда. Для него основной фактъ общественной жизни—подражаніе. Вся общественная жизнь сводится къ тому, что отдѣльныя личности изобрѣтаютъ какія-нибудь новинки въ разныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, и толпа, какъ загипнотизированная, воспринимаетъ эти изобрѣтенія, подражая ихъ творцамъ. Удачный оборотъ рѣчи, изящный покрой платья, остроумное техническое изобрѣтеніе—все это немедленно подхватывается непреодолимой волной подражанія и разно-

сится по всѣмъ частямъ общества. Законы подражанія и являются собственно законами общественной жизни (мы умышленно упрощаемъ мысль Тарда, такъ какъ, кромѣ законовъ подражанія, онъ принимаетъ еще двоякаго рода законы: законы противоположности и законы приспособленія. Но это упрощеніе не мѣняетъ сути дѣла съ разбираемой нами точки зрѣнія).

Мы здѣсь не будемъ оспаривать теорію подражанія. Маленькую, вѣрную на своемъ мѣстѣ, истину Тардъ превратилъ въ всеобъемлющій соціологическій фактъ, и явленія психической заразы, внушенія, которыя можно наблюдать или въ тиши психіатрической клиники или среди бушующей разъяренной толпы, онъ сдѣлалъ типическими, основными для всего разнообразія общественнаго бытія огромныхъ людскихъ массъ. Но допустимъ, что эта теорія вѣрна, допустимъ, что въ подражаніи заключается основное содержаніе общественнаго взаимоотношенія людей. Но объяснима ли съ точки зрѣнія этихъ отвлеченныхъ законовъ подражанія закономѣрность историческаго процесса? Конечно, нѣтъ. Они могутъ объяснить, почему въ обществѣ распространяются появившіяся въ головѣ изобрѣтателей новинки, но они не объясняютъ самого появленія этихъ новинокъ. Закономѣрность историческаго процесса сводится здѣсь къ закономѣрности самопроизвольнаго зарожденія изобрѣтеній въ головѣ людей, т. е. иначе говоря, ея не существуетъ. Исторія превращается въ калейдоскопъ смѣняющихъ другъ друга изобрѣтеній и распространяющихъ ихъ подражаній. Какъ въ калейдоскопѣ мы, съ помощью законовъ оптики, понимаемъ въ каждый моментъ представляемую имъ картину, но не видимъ закона чередованія этихъ картинъ при поворотѣ его, такъ и въ обществѣ, съ

точки зрѣнія Тарда, можно въ каждый моментъ понять картину распространенія изобрѣтеній, но не понятенъ законъ смѣны этихъ картинъ, не понятна, словомъ, закономѣрность историческаго процесса.

Дѣло въ томъ, что устанавливаемое Тардомъ содержаніе общественнаго взаимоотношенія людей, т. е. подражаніе—есть нѣчто неизмѣнное, постоянное, съ постоянными законами; поэтому оно и не пригодно для объясненія факта измѣненія обществъ, т. е. какъ разъ того, съ чѣмъ имѣетъ дѣло исторія. И всякая теорія, которая для объясненія историческаго процесса кладетъ въ основу какой-нибудь неизмѣнный, постоянный фактъ, окажется безсильной для исполненія своей задачи *).

Словомъ, основной фактъ общественной жизни долженъ 1) быть не чисто формальнымъ, а матеріальнымъ, такъ, чтобъ онъ включалъ въ себя „матерію“, содержаніе, исторической жизни, а не пропускалъ его; 2) онъ долженъ быть одновременно и весьма общимъ и вполнѣ конкретнымъ, такъ, чтобъ имъ охватывалось всегда измѣнчивое, всегда текучее содержаніе историческаго процесса. Исторія есть непрерывное измѣненіе, процессъ. Поэтому и фактъ,

*) Въ этомъ основной недостатокъ тѣхъ соціологическихъ теорій, которыя ищутъ объясненія историческаго процесса въ какомъ-нибудь естественно-научномъ постоянномъ факторѣ, напримѣръ въ климатѣ, въ расѣ, и т. д. Климатъ какой-нибудь страны это величина постоянная, между тѣмъ исторія населяющихъ эту страну людей непрерывное измѣненіе. Нѣчто постоянное не можетъ быть само по себѣ причиной перемѣны. Поэтому подобныя теоріи при объясненіи исторіи должны покидать свою исходную точку зрѣнія и замѣнять ее или дополнять другими. Но объ этомъ см. ниже въ послѣдней главѣ.

лежащій въ основѣ исторіи, объясняющій ея закономѣрное развитіе, долженъ быть самъ доступенъ развитія.

Всѣмъ перечисленнымъ требованіямъ мы удовлетворимъ, если обратимъ вниманіе на весьма элементарный, но и весьма могущественный, фактъ: первымъ условіемъ того, чтобъ общество имѣло какую-нибудь исторію, является то, чтобъ оно существовало. Въ этомъ отношеніи общественная жизнь является прямымъ продолженіемъ животной, біологической, жизни. Это ужъ видно изъ самаго слова „жизнь", примѣняемаго нами къ взаимоотношенію людей. Не вдаваясь въ длинныя разсужденія о томъ, что такое жизнь, мы ограничимся лишь тѣмъ крайне общимъ, но важнымъ для насъ указаніемъ, что жизнь — это извѣстная форма подвижнаго равновѣсія, непрерывно нарушаемаго и непрерывно возстанавливаемаго. Живое тѣло, въ отличіе отъ неорганическаго вещества, вынуждено непрерывно возстанавливать свое нарушаемое равновѣсіе, оно должно постоянно, черезъ сравнительно короткіе сроки, питаться, чтобъ возмѣщать потери организма. Существованіе неорганическаго „мертваго" тѣла дано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ фактъ: напр., дана земля, дана такая то горная цѣпь и т. д. Мертвое тѣло также испытываетъ измѣненія, оно тоже можетъ имѣть свою исторію развитія: такъ, геологія занимается исторіей земли вообще или исторіей происхожденія извѣстныхъ горъ въ частности. Но это — исторія пассивныхъ видоизмѣненій, претерпѣваемыхъ изучаемымъ нами неорганическимъ тѣломъ. Существованіе же живого тѣла не есть данный фактъ, надъ разрушеніемъ или измѣненіемъ котораго работаютъ силы природы; въ каждомъ случаѣ, въ каждый моментъ это задача, которую долженъ рѣшить

еще организмъ, чтобы остаться самимъ собой. Организмъ вынужденъ активно относиться къ окружающему, онъ вынужденъ бороться за существованіе. И эта задача активной борьбы за существованіе имѣетъ такое огромное значеніе въ жизни организмовъ, что она опредѣляетъ собой всю исторію ихъ развитія.

Общество, конечно, не организмъ, но оно состоитъ изъ живыхъ организмовъ; поэтому его существованіе не является чѣмъ то даннымъ, само собой разумѣющимся; какъ и существованіе составляющихъ его личностей, оно является задачей, постоянно возникающей и постоянно разрѣшаемой. Борьба за существованіе, поддержаніе жизни и является основнымъ, первичнымъ содержаніемъ общественнаго взаимоотношенія людей.

Въ процессѣ біологическаго развитія общежитіе создалось, какъ необходимая форма самосохраненія вида homo sapiens. Но это слѣдуетъ понимать не только въ одномъ отрицательномъ смыслѣ того, что люди, взятые вмѣстѣ, могли легче защититься отъ опасныхъ звѣрей. Общежитіе имѣетъ и положительную задачу, и она для исторіи несравненно важнѣе прямой борьбы съ окружающей природой (включая въ нее и животный міръ) для добыванія пищи. Если на зарѣ человѣческой жизни общежитіе и имѣло главной цѣлью оборону отъ могучихъ хищниковъ, то въ дальнѣйшемъ эта отрицательная задача все болѣе отступаетъ на задній планъ передъ положительной задачей завоеванія природы. „Отъ обороны къ нападенію“—таковъ, можно сказать, въ этомъ отношеніи лозунгъ человѣческой исторіи. Вотъ эта положительная задача „нападенія“, т. е. активной борьбы за существованіе съ враждебной при-

родой, съ враждебнымъ животнымъ и человѣческимъ міромъ, и составляетъ основное содержаніе историческаго процесса. Біологическая борьба за существованіе продолжается и въ человѣчествѣ, но здѣсь, благодаря факту общежитія, она принимаетъ совсѣмъ иныя формы. Въ обществѣ она является намъ въ видѣ труда, при томъ извѣстнымъ образомъ организованнаго общественнаго труда, иначе говоря, производства*).

Точка зрѣнія историческаго матеріализма и состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать общественное взаимоотношеніе людей прежде всего какъ производственное отношеніе, какъ трудовое отношеніе. Общество какъ трудовая ассоціація, какъ производственная организація—вотъ съ какой стороны историческій матеріализмъ подходитъ къ изученію соціальныхъ явленій. Развитіе въ исторіи трудовой

*) „Общество для насъ фактъ, котораго мы не можемъ разложить, или, если и можемъ разложить, то лишь путемъ того анализа, который сводитъ сложныя формы къ формамъ болѣе простымъ, современныя формы къ древнимъ: но при этомъ мы все-таки остаемся внутри существующаго общества. Исторія—это всегда исторія общества, т. е. исторія измѣненій, происшедшихъ съ человѣческой ассоціаціей, начиная отъ первобытной орды до современнаго государства, начиная отъ непосредственной борьбы противъ природы съ помощью нѣсколькихъ крайне простыхъ орудій, до современной экономической структуры, сводящейся къ слѣдующимъ двумъ полюсамъ: накопленному труду (капиталу) и живому труду (пролетаріямъ). Разложить общественное цѣлое (complexus) на простыя личности и снова сложить его потомъ черезъ свободные и сознательные акты мысли; построить, однимъ словомъ, общество разсужденіями—это значитъ не понимать объективнаго характера и имманентности историческаго процесса“. (Labriola: „Essais sur la conception matérialiste de l'histoire“, с. 228).

ассоціаціи, все большее усложненіе ея и обогащеніе содержаніемъ — таково философско-историческое воззрѣніе Маркса и Энгельса *).

Эта точка зрѣнія трудового сообщества составляетъ содержаніе не только исторической концепціи Маркса и Энгельса, но и ихъ экономической теоріи, въ частности трудовой теоріи стоимости. Для Маркса всякое общество, какъ небольшая первобытная община съ ея натуральнымъ хозяйствомъ и производствомъ для себя, такъ и развитое капиталистическое общество съ его до-нельзя усложнившимися экономическими отношеніями, есть трудовая ассоціація производителей, имѣющая задачей удовлетворить всѣ потребности своихъ сочленовъ. Разница лишь въ томъ, что въ первобытной общинѣ

*) Намъ могутъ сказать, что общественный трудъ, производство, не есть что-то, вполнѣ отличающее человѣчество отъ животнаго міра, что есть животныя—наприм., бобры, пчелы, муравьи—съ болѣе или менѣе правильно и широко организованнымъ производствомъ. Но мы и не отрицаемъ этого сходства; наоборотъ, имъ и объясняется то, что у этихъ животныхъ встрѣчаются черты, поразительно сходныя съ соціальной жизнью людей. Такъ, у муравьевъ мы встрѣчаемъ правильныя войны; мы имѣемъ муравьевъ-рабовладѣльцевъ; многія породы муравьевъ занимаются настоящимъ скотоводствомъ, а у нѣкоторыхъ наблюдаютъ даже нѣчто, напоминающее наше земледѣліе.

Если же говорить объ отличіи человѣческихъ обществъ отъ животныхъ (съ производственной точки зрѣнія), то еще Франклинъ говорилъ, что человѣкъ—„производящее орудія животное“. „Съ производствомъ средствъ производства начинается человѣческая жизнь человѣкоподобнаго животнаго. Такимъ образомъ оно отдѣляется отъ остального міра животныхъ, съ тѣмъ, чтобъ основать свое собственное царство съ особымъ характеромъ развитія, который совершенно чуждъ остальной природѣ и подобнаго которому въ ней не найти“. (Каутскій, „Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи“, изданіе Кипера, стр. 70).

производство планомѣрно организовано. Члены ея, въ виду крайней простоты производственныхъ отношеній, въ виду легкой обозримости горизонта производства, ясно сознаютъ трудовой характеръ своего взаимоотношенія, считая себя членами одного хозяйственнаго цѣлаго. Съ возникновеніемъ же мѣнового хозяйства и дальнѣйшимъ развитіемъ его исчезаетъ эта планомѣрность производства. Общественное хозяйство распадается на безчисленное множество самостоятельныхъ частныхъ хозяйствъ, повидимому, вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга и соприкасающихся между собой лишь въ актѣ обмѣна. Въ умѣ производителей мало-по-малу исчезаетъ сознаніе ихъ общественной роли. На почвѣ этой неорганизованности производства и разобщенности производителей вырастаетъ то, что Марксъ называетъ фетишизмомъ товарнаго общества: трудовыя отношенія производителей въ общественномъ процессѣ являются имъ ужъ какъ отношенія вещей въ актѣ обмѣна. Выростаетъ непреодолимая иллюзія, что не общество удовлетворяетъ свои потребности въ разныхъ продуктахъ обходнымъ и окольнымъ путемъ обмѣна, а что вещи сами мѣняются между собой въ раличныхъ пропорціяхъ или, какъ говоритъ Марксъ: „Трудъ отдѣльныхъ лицъ обнаруживаетъ свой характеръ, какъ часть общественнаго труда, только помощью отношеній, которыя актъ обмѣна устанавливаетъ непосредственно между продуктами и косвенно, черезъ ихъ посредство, между производителями. Поэтому для послѣднихъ отношенія, связывающія трудъ отдѣльнаго лица съ трудомъ остальныхъ, представляются не непосредственнымъ общественнымъ отношеніемъ отдѣльныхъ лицъ, занимающихся изготовленіемъ продуктовъ, но наоборотъ тѣмъ, чѣмъ они кажутся въ дѣйствительности,

вещественнымъ отношеніемъ между лицами и общественнымъ отношеніемъ между вещами" („Капиталъ, I, с. 36).

Въ дѣйствительности же полная независимость частныхъ хозяйствъ только кажущаяся. Товарное хозяйство тоже является единой трудовой ассоціаціей производителей, имѣющей цѣлью удовлетвореніе потребностей членовъ общежитія. Только достигается это въ немъ безъ одного общаго плана, черезъ посредство грубой и неуклюжей машины обмѣна. Товарныя цѣны и являются главнымъ регуляторомъ производства въ развитомъ мѣновомъ хозяйствѣ (при допущеніи свободной конкурренціи). Онѣ неточнымъ и приблизительнымъ образомъ показываютъ, какъ неорганизованное, анархическое производство приспособляется къ потребленію: если цѣна какого-нибудь товара высока—это значитъ, что его мало было произведено, что сравнительно малая, недостаточная часть коллективнаго труда общества была направлена въ эту отрасль производства; низкія цѣны, наоборотъ, показываютъ, что на извѣстный товаръ было потрачено общественнаго труда больше средняго, больше, чѣмъ нужно. За этими вѣчно колеблющимися цѣнами надо видѣть прикрытое ими трудовое отношеніе производителей, отношеніе, легко замѣтное въ родовой или семейной общинѣ или же въ свободной и организованной общинѣ будущаго. Въ этихъ обществахъ съ организованнымъ производствомъ взаимоотношеніе производителей настолько прозрачно и ясно, что обществу нѣтъ необходимости для уясненія его себѣ прибѣгать къ запутанному и окольному пути стоимости (цѣнности) продуктовъ *).

*) „Общество (будущаго) не станетъ приписывать продуктамъ при вышеуказанныхъ условіяхъ (т. е. при организованномъ планомѣрно производствѣ) какой-нибудь цѣнности. Оно

Эта тема заслуживаетъ гораздо большаго развитія, чѣмъ мы могли это дать въ немногихъ строкахъ, но все-таки мы должны были упомянуть объ этомъ пунктѣ, такъ какъ одна и та же точка зрѣнія проникаетъ какъ историческое, такъ и политико-экономическое ученіе Маркса и Энгельса. Матеріалистическое пониманіе исторіи дополняетъ и поясняетъ экономическія воззрѣнія родоначальниковъ научнаго соціализма и, въ свою очередь, дополняется и поясняется имъ. Какъ въ политической экономіи Марксъ разорвалъ облако фетишизма, окутывавшее явленія обмѣна и цѣнности, и показалъ то реальное общественное содержаніе, которое скрывалось за нимъ, такъ въ области исторіи онъ разорвалъ идеологическіе покровы, идеологическій фетишизмъ, скрывавшій отъ глазъ людскихъ истинное содержаніе историческаго процесса. Исторія человѣчества—это не орудіе въ рукахъ какого-то Божества, Духа, Идеи, осуществляющей черезъ ея посредство свои сокровенные планы, это также не арена столкновенія множества идей отдѣльныхъ личностей, сознательно преслѣдующихъ каждая свои

выразить не косвеннымъ и не безсмысленнымъ способомъ тотъ простой фактъ, что сто квадратныхъ метровъ сукна потребовали для своего производства, напр., тысячу часовъ труда, что они обладаютъ цѣнностью въ тысячу рабочихъ часовъ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ оно должно знать, сколько труда требуетъ каждый предметъ потребленія для своего воспроизведенія. Оно должно будетъ выработать планъ производства, сообразуясь со средствами производства, къ которымъ въ частности принадлежатъ также и рабочія силы. Степень полезности разныхъ предметовъ потребленія, приравненныхъ другъ къ другу согласно съ необходимымъ для ихъ воспроизведенія количествомъ труда, опредѣлитъ окончательно этотъ планъ. Люди дѣлаютъ все очень просто безъ вмѣшательства со стороны знаменитой „цѣнности“ (Энгельсъ: „Философія, политическая экономія, соціализмъ“, 453).

болѣе или менѣе возвышенныя цѣли,—исторія—это прежде всего безсознательный, стихійный, но въ то же время единообразный и закономѣрный процессъ развитія трудовыхъ сообществъ. Этимъ, понятно, не уничтожается значеніе идеологическихъ покрововъ, значеніе идей въ различныхъ ихъ формахъ—религіозной, научной, моральной и т. д.—имъ только приписывается другая роль. Идеи перестаютъ быть творцами исторіи. Не въ нихъ источникъ той энергіи, которая приводитъ въ движеніе весь огромный механизмъ жизни обществъ, онѣ являются лишь передаточнымъ ремнемъ, разносящимъ эту энергію—энергію соціальнаго сотрудничества—по разнымъ частямъ обширнаго механизма.

Итакъ, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма общественное взаимоотношеніе людей надо прежде всего разсматривать какъ соціальное сотрудничество, какъ трудовое отношеніе. Но трудовое отношеніе можетъ принимать, и принимаетъ въ дѣйствительности различныя формы. Наряду съ трудомъ, который занимается производствомъ предметовъ первой необходимости, такихъ, какъ пища, жилье, одежда,—нужныхъ непосредственно для самой жизни, мы имѣемъ трудъ по охранѣ общественнаго производства отъ вражескихъ нападеній, имѣемъ трудъ умственный, направленный на улучшеніе самого процесса производства и т. д. Конечно, между всѣми этими видами общественнаго труда невозможно провести непереходимой границы—всѣ они незамѣтными переходами сливаются въ одно цѣлое общественной жизни—но все-таки есть крупное различіе между трудомъ, непосредственно направленнымъ на поддержаніе жизни общества, и тѣми формами общественнаго труда, которыя служатъ этой цѣли по-

средственно и нужны лишь для успѣшнаго выполненія основной задачи. Этотъ первый видъ труда—скажемъ, для краткости, трудъ хозяйственный, экономическій—и является для насъ важнѣйшимъ, рѣшающимъ при изученіи исторіи *).

Въ рѣчи надъ могилой Маркса Энгельсъ въ слѣдующихъ словахъ характеризовалъ сущность матеріалистическаго пониманія исторіи: „Подобно тому, какъ Дарвинъ открылъ законъ развитія органической природы, такъ и Марксъ открылъ законъ развитія человѣческой исторіи, а именно прикрытый до сихъ поръ подъ идеологическими наслоеніями простой фактъ, что люди прежде чѣмъ заниматься политикой, наукой, религіей, искусствами и т. д. должны сперва ѣсть, пить, имѣть жилище и одежду; что, слѣдовательно, производство непосредственныхъ матеріальныхъ средствъ существованія,—а съ нимъ и соотвѣтственная экономическая ступень развитія какого-нибудь народа или эпохи—образуетъ основу, изъ которой развились политическія учрежденія, правовыя воззрѣнія, искусство и даже религіозныя представленія людей, и что поэтому они должны

*) „Съ матеріалистической точки зрѣнія рѣшающимъ моментомъ въ исторіи всегда являются въ концѣ концовъ производство и воспроизведеніе непосредственной жизни т. е. съ одной стороны созданіе пищи, одежды, жилища и орудій, необходимыхъ для ихъ пріобрѣтенія, а съ другой—рожденіе самого человѣка, поддержаніе вида. Общественныя учрежденія въ каждую данную эпоху и въ данной мѣстности обусловливаются обоими родами производства, т. е. степенью развитія и труда и семейныхъ отношеній“ и т. д. (Энгельсъ: „Происхожденіе семьи“, 1). Насъ здѣсь интересуетъ лишь первый видъ производства, т. е. экономическій трудъ, какъ рѣшающій моментъ исторіи. Что касается замѣчанія критиковъ, будто введеніе Энгельсомъ семейнаго „фактора“ есть существенное измѣненіе историческаго матеріализма, то объ этомъ см. Бельтова, 120 и слѣд.

быть объяснены изъ этой основы, а не, какъ это было до сихъ поръ, наоборотъ".

Приведя эти слова Энгельса, критикъ марксизма, Масарикъ, иронически замѣчаетъ: „Такимъ образомъ, старое: сначала жить, потомъ философствовать? Только-то?" („Философскія основанія марксизма", с. 95). Да, только-то. И этого „только-то"—конечно, взятаго въ общественной обстановкѣ, въ обстановкѣ все растущей и усложняющейся трудовой ассоціаціи,—достаточно, чтобы наполнить собой всю исторію человѣчества. Конечно, если бы люди были безплотными духами или если бы они могли поддерживать свое существованіе безъ планомѣрной затраты труда, напримѣръ, если бы они питались воздухомъ—то, несомнѣнно, законы общежитія были бы совсѣмъ иные, чѣмъ мы ихъ наблюдаемъ въ дѣйствительности. Можетъ быть тогда людскія группы дѣйствительно управлялись бы какими-нибудь законами подражанія, какими-нибудь законами соціальнаго сродства,—а, можетъ быть, обществъ и совсѣмъ бы не было, и люди жили бы отдѣльно, въ одиночку, какъ несдерживаемыя силой сцѣпленія частички газа. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ, въ дѣйствительности и до сихъ поръ еще люди лишь путемъ огромной затраты общественнаго труда поддерживаютъ свое существованіе. Поэтому-то трудовая связь или, иначе говоря, отношенія производства—и прежде всего производства, направленнаго на добываніе непосредственныхъ, „матеріальныхъ", средствъ жизни—и составляетъ основную, опредѣляющую остальныя, форму взаимоотношенія людей.

Мы сказали, что типическое, основное, трудовое отношеніе—это экономическое. Сравнительно съ нимъ другія формы общественнаго труда являются вто-

ричными, производными, имѣющими цѣлью способствовать лучшему функціонированію экономическаго труда. Какъ въ организмѣ различные органы явились выросшими въ процессѣ біологическаго развитія приспособленіями для удачной борьбы за существованіе, какъ въ мірѣ органическомъ мало-по-малу животное—желудокъ превратилось въ высокоодаренные высшіе организмы, въ которыхъ роль желудка не такъ ужъ исключительна,—такъ и въ обществахъ, въ процессѣ ихъ усложняющагося развитія, первичная, основная форма труда дифференцируется, превращается въ рядъ новыхъ формъ, обогащающихъ общественную жизнь, но тѣсно связанныхъ съ первичной основой. Общества — и особенно высшія общества—являются передъ нами, какъ сложныя системы раздѣленнаго общественнаго труда. Осью этой системы является трудъ хозяйственный, экономическій. Остальныя формы труда опираются на эту первичную форму, но постепенно пріобрѣтаютъ все болѣе самостоятельное значеніе по мѣрѣ собственнаго усложненія и обогащенія содержаніемъ. Но такъ и въ біологіи различные органы пріобрѣтаютъ въ извѣстной мѣрѣ самостоятельное значеніе, оставаясь въ то же время подчиненными основной задачѣ организма—питанію. Глазъ, призванный осязать издали и расширить поле поисковъ добычи, пріобрѣтаетъ по неизбѣжнымъ законамъ физіологіи извѣстное независимое существованіе. Наряду съ преслѣдованіемъ цѣлей поддержанія организма, цѣлей „корыстныхъ“, если можно такъ выразиться, онъ начинаетъ „безкорыстно“ наслаждаться богатствомъ формъ и красокъ окружающаго міра. Мозгъ, централизующій всю дѣятельность организма въ борьбѣ за существованіе, по тѣмъ же законамъ біологіи начинаетъ „безкорыстно“ функціонировать,

проникаясь любознательностью и т. д. Это „безкорыстное“ функціонированіе органовъ, не преслѣдующее непосредственно цѣлей питанія, цѣлей желудочныхъ, это превращеніе органовъ изъ простыхъ вспомогательныхъ средствъ въ отчасти независимыя „самоцѣли“, составляетъ, несомнѣнно, основу всего надъ - животнаго въ животномъ и особенно въ человѣкѣ. Но эта самостоятельность и „безкорыстность“ имѣютъ свои опредѣленныя границы, диктуемыя потребностью самосохраненія.

Въ общественной жизни мы замѣчаемъ то же самое. Возьмемъ примѣръ. Наука, т. е., иначе говоря, извѣстная дифференцированная область общественнаго труда, первоначально имѣетъ чисто практическій, техническій, корень. Она общественный органъ, необходимый для болѣе успѣшнаго функціонированія экономическаго труда. Но, какъ и всякій органъ, она скоро пріобрѣтаетъ извѣстную самостоятельность, сама начинаетъ дробиться на рядъ подраздѣленій научнаго труда, преслѣдующихъ уже свои, безкорыстныя, задачи *). И чѣмъ сложнѣе дѣлается си-

*) „Инстинктивное непроизвольное познаніе естественныхъ процессовъ всегда предшествуетъ научному произвольному познанію ихъ, испытанію явленій. Первое пріобрѣтается благодаря связи естественныхъ процессовъ съ удовлетвореніемъ нашихъ потребностей“. Mach: („Geschichte der Mechanik“, 4 изданіе, с. 1). Переходъ отъ этого инстинктивнаго опыта къ упорядоченному научному знанію возможенъ только тогда, „когда образовались особые классы, имѣющіе своей цѣлью удовлетвореніе опредѣленныхъ потребностей общества“ (5). Такъ какъ лица класса, занимающагося изученіемъ естественныхъ процесовъ, постоянно мѣняются, появляется потребность передать имъ результаты прошлыхъ изслѣдованій, потребность, ведущая къ упорядоченію матеріала познанія и къ болѣе экономному, легче доступному, расположенію его. „Экономія передачи (знанія) и пониманія его принадлежитъ къ сущности науки, въ ней лежитъ успокаивающій,

стема научнаго труда, чѣмъ больше вытягивается она, тѣмъ менѣе непосредственно затрагиваются отдаленнѣйшія ея звенья тѣмъ экономическимъ трудомъ, для успѣшности котораго она первоначально выдѣлилась, какъ особая вѣтвь общественнаго труда. Развитіе какой-нибудь науки начинаетъ ближайшимъ образомъ опредѣляться предыдущимъ состояніемъ той же науки, состояніемъ науки въ сосѣднихъ областяхъ — т. е. состояніемъ общественнаго труда въ этой его спеціальной, научной формѣ. Но это не измѣняетъ того основного факта, что вся эта спеціальная область общественнаго труда является вспомогательной для экономическаго труда, покоится на немъ. И эта зависимость выражается въ двоякой формѣ.

Во-первыхъ, въ формѣ непосредственной, никогда не прерывающейся связи научныхъ открытій съ общественно-технической потребностью. „Если техника, какъ говорятъ, зависитъ, по большей части, отъ состоянія науки, то съ другой стороны, состояніе науки еще въ гораздо большей степени зависитъ отъ состоянія и потребностей техники. Если въ обществѣ существуетъ извѣстная техническая потребность, то она двигаетъ

просвѣтляющій и эстетическій моментъ послѣдней, и она же неопровержимо указываетъ на историческое происхожденіе науки. Въ началѣ всякая экономія имѣетъ непосредственной цѣлью только удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей. Для ремесленника же и еще болѣе для изслѣдователя кратчайшее, простѣйшее, достигаемое путемъ наименьшихъ духовныхъ затратъ познаніе опредѣленной области естественныхъ процессовъ само становится экономической цѣлью, при которой — хотя оно первоначально было лишь средствомъ для цѣли — разъ развились соотвѣтственныя духовныя наклонности и требуютъ своего удовлетворенія, совсѣмъ ужъ не думаютъ о тѣлесной потребности“ (с. 7).

науки впередъ сильнѣе десяти университетовъ. Вся гидростатика (Торричели и т. д.) вызвана была потребностью урегулированія горныхъ рѣкъ въ Италіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Объ электричествѣ мы знаемъ сколько нибудь положительнаго только съ тѣхъ поръ, когда явилась возможность его техническаго примѣненія. Къ сожалѣнію, въ Германіи привыкли писать исторію наукъ такимъ образомъ, какъ будто бы онѣ свалились съ неба" *) (Изъ писемъ Энгельса 90-хъ годовъ см. М. Божій, 1897 г., Январь, и Л. Вольтманъ: „Историческій матеріализмъ", с. 180 и слѣд.).

Во-вторыхъ, въ формѣ зависимости науки отъ общаго состоянія эпохи, тѣсно связаннаго съ организаціей экономическаго труда, съ экономической структурой общества. Вся наука новаго времени является дѣтищемъ буржуазнаго общества. Было ли бы возможно современное естествознаніе безъ его дивныхъ точныхъ инструментовъ, этихъ настоящихъ чудесъ капиталистической техники? Можно ли было говорить о пытливомъ, критическомъ изслѣдованіи въ эпоху феодальнаго средневѣковья? Благопріят-

*) Вотъ что говоритъ извѣстный русскій ученый, физикъ Умовъ: „Геометрія вышла изъ потребности съемки плановъ, возведенія зданій и т. п.; механика—изъ потребности перемѣщать значительныя тяжести, ограждать себя отъ нападенія враговъ; точныя изслѣдованія свойства газовъ—изъ потребности усовершенствованія паровой машины. Потребность передачи мысли на разстояніе, нужда въ освѣщеніи, въ передачѣ силы и т. п. послужили къ быстрому развитію нашихъ знаній объ электричествѣ; химія зародилась при выплавкѣ и обработкѣ металловъ, при приготовленіи лѣкарственныхъ снадобій; геніальное открытіе Лавуазье о горѣніи и о составѣ воды было вызвано разрѣшеніемъ чисто практическихъ вопросовъ о наилучшемъ устройствѣ уличныхъ фонарей, о качествахъ воды для питья и т. д." (Цитируется у М. Ковалевскаго: „Современные соціологи", с. 205).

ствовалъ ли развитію точной науки рабовладѣльческій строй античныхъ государствъ съ ихъ отсутствіемъ стимуловъ къ развитію производительности труда, съ характернымъ для рабовладѣльцевъ пренебреженіемъ къ „неблагороднымъ“ видамъ труда, и т. д., и т. д. *).

Такъ обстоитъ дѣло съ наукой. Опираясь, какъ на основу, на экономическій трудъ общества (на экономическую структуру его), никогда не будучи въ состояніи цѣликомъ оторваться отъ этой основы, а, наоборотъ, непрерывно испытывая вліяніе ея,

---

*) „Безъ сомнѣнія вѣрно то, что разъ наука создана и отчасти созрѣла, какъ это уже случилось въ эллинистическій періодъ, то работа абстракціи, дедукціи и сочетанія продолжается среди ученыхъ такимъ образомъ, что она замѣтно стираетъ сознаніе соціальныхъ причинъ первоначальнаго созданія самой науки. Но если разсмотрѣть крупныя черты развитія науки въ разныя эпохи, если сравнить тѣ періоды, которые идеологи назвали бы прогрессомъ и регрессомъ разума, то мы ясно замѣтимъ соціальную причину толчковъ—то растущихъ, то убывающихъ—испытываемыхъ научной дѣятельностью. Какую нужду имѣло феодальное общество западной Европы въ той наукѣ древности, которую византійцы сохраняли, по крайней мѣрѣ, матеріально, между тѣмъ какъ арабы, свободные земледѣльцы, трудолюбивые ремесленники или ловкіе купцы были побуждаемы развить ее немного? Что такое Возрожденіе, какъ не стремленіе связать начальное движеніе буржуазіи съ традиціей античнаго знанія, ставшаго практически примѣнимымъ? Что такое все быстрое движеніе научнаго знанія, начиная съ семнадцатаго вѣка, какъ не рядъ актовъ утонченнаго опытомъ ума, чтобъ обезпечить человѣческому труду, въ формѣ утонченной техники, господство надъ физическими силами и обстоятельствами? Отсюда война съ обскурантизмомъ, съ суевѣріемъ, съ церковью, съ религіей; отсюда натурализмъ, атеизмъ, матеріализмъ; отсюда установленіе господства разума. Буржуазная эпоха—это эпоха развернутыхъ умовъ (Вико)“. (Labriola, c. 242).

наука, тѣмъ не менѣе, начинаетъ въ своемъ развитіи подчиняться своимъ особымъ, ей свойственнымъ, законамъ. Но съ точки зрѣнія общественнаго развитія въ его цѣломъ—это законы вторичные, производные, опредѣляемые основной закономѣрностью историческаго процесса.

Тѣ же самыя разсужденія примѣнимы и къ другимъ отраслямъ общественнаго труда. Именно съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія раздѣленія труда, разъяснялъ вопросъ объ историческомъ матеріализмѣ Энгельсъ во второмъ письмѣ отъ 1890 г.

„Гдѣ совершилось общественное раздѣленіе труда", начинаетъ онъ свое изложеніе, „тамъ отдѣльные члены этого раздѣленія (т. е. отдѣльныя области общественнаго труда) взаимно противоставляются и становятся независимыми другъ отъ друга. Производство представляетъ факторъ, въ послѣдней инстанціи рѣшающій".

Затѣмъ онъ показываетъ, какъ торговля, выдѣлившись въ своемъ развитіи, „хотя вообще и зависитъ отъ производства, но въ подробностяхъ и въ рамкахъ этой общей зависимости подлежитъ, однако, своимъ собственнымъ законамъ, свойственнымъ этому новому фактору. Развитіе это имѣетъ свои собственныя фазы и съ своей стороны вліяетъ на развитіе производства". Показавъ на примѣрахъ роль торговли и денежнаго рынка въ ихъ обратномъ вліяніи на производство, Энгельсъ переходитъ далѣе къ вопросу о государствѣ.

„Общество, читаемъ мы, создаетъ извѣстныя общія функціи, безъ которыхъ оно не можетъ обойтись. Люди, назначенные для исполненія этихъ функцій, образуютъ новую вѣтвь раздѣленія труда внутри общества. Такимъ образомъ, они начинаютъ имѣть по отношенію къ своимъ довѣрителямъ отдѣльные

интересы, становятся по отношенію къ нимъ самостоятельными, и вотъ возникло государство".

„Здѣсь происходитъ то же самое, что и съ товарной торговлей, а затѣмъ и съ денежной: новый самостоятельный факторъ долженъ, правда, въ общемъ подчиняться развитію производства, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе свойственной ему, т. е. однажды сообщенной и постепенно развивающейся дальше относительной самостоятельности, долженъ воздѣйствовать, въ свою очередь, на условія и развитіе производства. Здѣсь мы имѣемъ взаимодѣйствіе двухъ неравныхъ силъ: съ одной стороны, экономическаго процесса, а съ другой—новаго политическаго фактора, стремящагося къ возможно большей самостоятельности и обладающаго однажды сообщеннымъ и уже собственнымъ движеніемъ. Экономическій процессъ, вообще, получаетъ перевѣсъ, но принужденъ все-таки подчиниться вліянію созданныхъ имъ самимъ и одаренныхъ относительной самостоятельностью политическихъ факторовъ. Воздѣйствіе государственной власти на экономическое развитіе можетъ быть трехъ родовъ: оно можетъ слѣдовать въ томъ же направленіи, что и экономическое развитіе,—тогда послѣднее совершается быстрѣе; оно можетъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи,—тогда она, по крайней мѣрѣ, у великихъ народовъ терпитъ пораженіе послѣ нѣкотораго времени; наконецъ, она можетъ отрѣзать экономическому развитію нѣкоторыя русла и представить ему новыя. Послѣдній случай въ результатѣ сводится къ одному изъ двухъ предыдущихъ. Ясно, однако, что во второмъ и третьемъ случаѣ политическая сила можетъ причинить большой вредъ экономическому развитію и вызвать громадную безполезную трату силъ и матерій".

Такимъ же образомъ, съ точки зрѣнія раздѣленія труда Энгельсъ дальше объясняетъ отношеніе между экономическимъ развитіемъ и развитіемъ юридическимъ, научнымъ и т. д. Всѣ эти отдѣльныя области общественнаго труда имѣютъ свою относительную независимость, развиваются по своимъ особымъ законамъ, всѣ онѣ воздѣйствуютъ глубоко на экономическую структуру—но основой общественнаго развитія, красной нитью проходящей черезъ всѣ узоры общественной жизни и объясняющей ихъ рисунокъ, является закономѣрное развитіе производства „непосредственной жизни“. Между экономическимъ развитіемъ и развитіемъ политическимъ, научнымъ и т. д. происходитъ непрерывное взаимодѣйствіе, но взаимодѣйствіе на основѣ экономическаго развитія.

Такъ, съ точки зрѣнія раздѣленія общественнаго труда общество представляется намъ, какъ многообразно расчлененная трудовая ассоціація, центромъ которой, ядромъ является трудъ экономическій. Въ трудовомъ взаимоотношеніи, и главное, въ экономически-трудовомъ отношеніи людей, мы нашли ключъ къ пониманію единства и закономѣрности историческаго процесса. Экономическій трудъ общества—вотъ, можемъ мы теперь сказать, та общая, единая соціальная энергія, различными формами которой являются такіе общественные „факторы“, какъ наука, политическій строй общества или законодательное творчество юристовъ.

5.

Но всѣ ли общественныя явленія находятъ объясненія съ указанной нами точки зрѣнія? Во всѣхъ ли общественныхъ „факторахъ“ можно видѣть пре-

вращенныя формы единой общественной энергіи — энергіи соціальнаго сотрудничества?

Возьмемъ то самое общественное явленіе, которымъ мы раньше (гл. 2) воспользовались для поясненія отличія соціологическаго метода отъ психологическаго, возьмемъ соціальное явленіе языка. Находится ли мѣсто для языка въ той расчлененной системѣ общественнаго труда, какой представляется общество съ точки зрѣнія историческаго матеріализма? Является ли языкъ какой нибудь отраслью соціальнаго труда?

Нелѣпость такой постановки вопроса очевидна. Языкъ—это какая то стихія, разлитая по всѣмъ подраздѣленіямъ общественнаго труда, проникающая ихъ всѣ, но это не особая вѣтвь труда. Люди въ своемъ соціальномъ сотрудничествѣ пользуются рѣчью, но рѣчь не есть какой то особый органъ этой системы сотрудничества.

Между тѣмъ значеніе языка, какъ соціальнаго фактора, огромное. Развитое общество, развитое соціальное сотрудничество немыслимо безъ языка. Если животныя могутъ ограничиваться немногими криками боли, страха, предостереженія и т. д., то въ человѣческихъ обществахъ съ ихъ сложной организаціей труда невозможно обойтись безъ того изумительно гибкаго орудія сношеній, какимъ является человѣческая рѣчь. „Раздѣленіе труда является невозможнымъ безъ языка, который заключалъ бы въ себѣ обозначеніе не только для ощущеній, но также для предметовъ и для дѣйствій. Раздѣленіе труда можетъ развиваться лишь постольку, поскольку вырабатывается такой языкъ: оно, въ свою очередь, порождаетъ потребность въ такомъ языкѣ“ (Каутскій, „Матер. пониманіе исторіи и этика“, стр. 81). И дальше, ссылаясь на изслѣ-

дованія Л. Гейгера, Каутскій указываетъ, что основныя, первичныя слова носятъ на себѣ ясный отпечатокъ производственно-технической дѣятельности.

Еще болѣе тѣсную связь можно указать между развитіемъ языка, судьбой его и исторіей обществъ, т. е. въ концѣ концовъ, развитіемъ производства *). Изъ нѣсколькихъ сотенъ нарѣчій, на которыхъ говорило и продолжаетъ говорить еще человѣчество, выдѣляется нѣсколько міровыхъ языковъ, раздѣляющихъ между собой земной шаръ, — и этими языками будутъ, конечно, не языки какихъ-нибудь отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи племенъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ большой дороги исторіи, а, наоборотъ, наиболѣе передовыхъ, наиболѣе энергичныхъ народностей. Такъ теперь ведется борьба за господство между такими міровыми языками, какъ англійскій, французскій, нѣмецкій. Французскій языкъ, бывшій прежде въ виду исключительной

*) „Между языкомъ и общественной организаціей народа существуетъ тѣсная связь. На азіатско-европейскомъ материкѣ больше не существуетъ лишенныхъ всякой организаціи группъ людей, поэтому нѣтъ также и вновь возникающихъ и уничтожающихся семейныхъ языковъ; въ Америкѣ же ко времени пришествія европейцевъ имѣло мѣсто то и другое, и опять-таки, въ зависимости отъ степени развитія организаціи.

„Говоря словами Пешеля, „замѣчательное разнообразіе нарѣчій въ Америкѣ зависитъ вполнѣ отъ непостоянства образа жизни кочующихъ охотничьихъ племенъ Наоборотъ, въ упорядоченныхъ обществахъ господствующій языкъ могъ имѣть очень широкое распространеніе; напр., въ Перу языкъ „кечуа“ занималъ область болѣе, чѣмъ въ 20 градусовъ широты“. А въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ древнимъ индѣйскимъ государствомъ—въ Бразиліи и Гвіанѣ—существуетъ самое безпорядочное смѣшеніе языковъ, изъ которыхъ каждый понятенъ только одному маленькому племени“ (Липперт: „Исторія культуры“, с. 267).

роли, которую играла Франція, почти интернаціональнымъ языкомъ, теперь уступилъ первенство англійскому, дѣйствительно всемірному въ настоящій моментъ языку, и начинаетъ отступать на задній планъ передъ нѣмецкимъ, который побѣдоносно выдвигаетъ въ своемъ колоссальномъ ростѣ германская промышленность. Чѣмъ кончится эта величественная борьба языковъ—полной ли побѣдой одного изъ нихъ, или, что вѣроятнѣе, ихъ синкретизмомъ, сліяніемъ въ одинъ всемірный языкъ съ преобладаніемъ элементовъ одного изъ нихъ, или какъ-нибудь иначе—это для насъ неважно. Но фактъ тотъ, что закономѣрное развитіе міровыхъ языковъ слѣдуетъ за закономѣрнымъ развитіемъ обществъ въ огромное міровое цѣлое, а не является плодомъ какого-то самопроизвольнаго развитія языка.

То же можно сказать и объ образованіи національныхъ языковъ изъ провинціальныхъ діалектовъ: въ борьбѣ діалектовъ беретъ верхъ языкъ наиболѣе предпріимчивой провинціи, провинціи, играющей крупнѣйшую роль въ экономическомъ, политическомъ и другихъ отношеніяхъ *).

Наконецъ, классовое строеніе общества—о немъ

*) „Изо всѣхъ окружающихъ мѣстъ люди стекаются къ этому центральному пункту (рынку); одни, чтобы здѣсь поселиться, другіе, чтобы, устроивъ дѣла, снова вернуться домой. Центральный пунктъ растетъ, становится большимъ городомъ, въ которомъ концентрируется не только хозяйственная, но также и духовная жизнь страны, находящаяся отъ нея въ зависимости. Языкомъ города становится языкъ купцовъ и ученыхъ. Онъ вытѣсняетъ латинскій и становится литературнымъ языкомъ. Въ то же время языкъ этотъ вытѣсняетъ крестьянскія нарѣчія. Такимъ образомъ возникаетъ національный языкъ“ (Каутскій; „Т. Моръ и его Утопія“, с. 21).

см. ниже—тоже играетъ огромную роль въ различныхъ судьбахъ языка: языкъ поденщика не тотъ, что языкъ лорда; деревня говоритъ иначе, чѣмъ городъ, и т. д.

Все это вещи крайне простыя и элементарныя. Они ясно показываютъ, что судьба языка тысячами нитей связана съ судьбой всего общественнаго цѣлаго (т. е. въ конечномъ счетѣ, съ судьбами производства), что она самымъ сложнымъ образомъ переплетается съ ней,—и въ то же время для языка не находится мѣста въ той картинѣ единообразнаго закономѣрнаго процесса исторіи, который мы рисовали, исходя изъ точки зрѣнія раздѣленія общественнаго труда.

Но примѣръ языка не стоитъ одиноко. То же самое мы можемъ сказать о нравахъ, нравственности. Нравственность (не въ смыслѣ этики—науки о нравственности), подобно языку, есть стихія, разлитая по всему общественному цѣлому. Она находится въ самой тѣсной связи со всѣмъ развитіемъ общественнаго процесса, но опять таки не является какой-то особой частью общественнаго цѣлаго. То же приходится замѣтить о религіозныхъ представленіяхъ (не смѣшивать съ церковной организаціей и науками о религіи), о правовыхъ воззрѣніяхъ общества и пр.,—словомъ, о всемъ томъ, что можно назвать психологіей общества (идеологіей его, включая въ нее и языкъ, какъ орудіе и видимое проявленіе идеи, мысли).

Психологія общества (въ ея различныхъ развѣтвленіяхъ) не есть какая-то особая часть общественнаго раздѣленія труда, но въ то же время она стоитъ въ самой близкой, въ самой неразрывной связи съ совокупностью всего общественнаго процесса и, значитъ, съ опредѣляющимъ его, основ-

нымъ развитіемъ производства. Какой же характеръ носитъ эта связь, какъ понимать ее?

Назовемъ для краткости органическою ту связь, которую мы установили въ предыдущей главѣ между трудомъ экономическимъ и другими видами общественнаго труда. У Маркса и Энгельса постоянно встрѣчается для выраженія этого отношенія образъ экономической основы и политической, юридической и т. д. надстройки. Этотъ образъ довольно наглядно и правильно передаетъ характеръ существующаго межъ ними отношенія. Такъ, напримѣръ, государственная власть, дѣйствительно, покоится на экономической организаціи общества, хотя, въ свою очередь, и давитъ, вліяетъ на свою основу, взаимодѣйствуетъ съ ней. Экономическая основа мыслима безъ политической надстройки, но обратно, политическая надстройка немыслима безъ своей экономической основы. То же самое можно сказать объ отношеніи между экономической основой и научной надстройкой: безъ особаго научно-техническаго аппарата, безъ научнаго органа хозяйственная жизнь общества не подвинется далеко, но она всетаки — въ той или иной формѣ — можетъ существовать безъ него. Научный же аппаратъ немыслимъ безъ поддерживающей его основы экономической жизни общества, и т. д., и т. д.

Иное отношеніе замѣчаемъ мы, когда дѣло идетъ о психологіи общества. Безъ сомнѣнія ея существованіе немыслимо безъ существованія экономическаго труда, ибо — скажемъ въ грубой формѣ — прежде чѣмъ мыслить, общество должно существовать, питаться. Но и обратно, экономическій трудъ немыслимъ безъ существованія какой бы то ни было соотвѣтствующей психологіи: общество не можетъ существовать, не мысля. Иначе говоря: экономи-

ческій процессъ общественнаго развитія и его психическій процессъ всегда даны одновременно. Они протекаютъ параллельными рядами, будучи въ то же время всегда неразрывно связанными. Они не существуютъ, какъ двѣ части одного цѣлаго, отдѣленныя другъ отъ друга пространствомъ. Они представляются, какъ двѣ стороны одного и того же общественнаго процесса, являющагося намъ, смотря по точкѣ зрѣнія, то какъ стихійное экономическое развитіе, то какъ параллельное ему сознательное психическое развитіе [2]).

Сравненіе изъ міра біологіи поможетъ намъ лучше понять разбираемое соотношеніе. Возьмемъ какой-нибудь высоко развитой животный организмъ. Такой организмъ представляетъ, прежде всего, сильно расчлененную систему органовъ, преслѣдующихъ, однако, въ своемъ сотрудничествѣ одну общую задачу поддержанія жизни цѣлаго, т. е. питанія. Каждый органъ имѣетъ для этого особую функцію: глазами видятъ издали добычу, когтями и зубами растерзываютъ ее, въ нервной системѣ централизуется вся работа организма въ борьбѣ за существованіе, и т. д. Такова одна сторона дѣла. Но наряду съ этимъ, доступнымъ внѣшнему наблюденію, объективнымъ („физическимъ“) процессомъ протекаетъ недоступный глазу и параллельный субъективный („психическій“) процессъ: животное чув-

*) „У него (у Маркса) экономія общества и его психологія представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія „производства жизни“ людей, ихъ борьбы за существованіе, въ которой они группируются извѣстнымъ образомъ, благодаря данному состоянію производительныхъ силъ. Борьба за существованіе создаетъ ихъ экономію, на ея же почвѣ вырастаетъ и ихъ психологія“ (Бельтовъ „Монист. взглядъ“, с. 149).

ствуетъ голодъ, жажду, боль, обдумываетъ, какъ бы напасть на свою добычу и т. д. Этотъ параллельный внутренній процессъ выражаетъ, такъ сказать, на другомъ языкѣ, на психологическомъ языкѣ, то самое, что для сторонняго наблюдателя на физическомъ, біологическомъ, языкѣ представляется какъ процессъ подстереганія добычи, хватанія ея, растерзыванія и пр. Этотъ „психическій" процессъ—прерывающійся только въ глубокомъ снѣ и еще, какъ у человѣка, въ обморокѣ—не существуетъ, понятно, безъ соотвѣтствующаго ему „физическаго". Но и физическій процессъ въ животномъ не существуетъ безъ психическаго.

Итакъ, мы признаемъ одновременность и параллелизмъ нервнаго процесса и соотвѣтствующаго ему психическаго. Но, несмотря на этотъ параллелизмъ и одновременность, опредѣляющимъ мы считаемъ процессъ объективный, какъ примыкающій къ остальному объективному процессу внѣшняго міра: физико-химическія измѣненія въ мозгу и нервной системѣ являются продолженіемъ измѣненій, совершающихся въ окружающей средѣ; они обратно, черезъ движенія организма, воздѣйствуютъ на эту среду и все въ рамкахъ закона сохраненія энергіи. Въ этомъ смыслѣ мы и можемъ сказать, что бытіе (объективное состояніе мозга) опредѣляетъ сознаніе, а не сознаніе бытіе.

Всѣ эти разсужденія мы можемъ примѣнить къ обществу, съ той только разницей, что общественный „организмъ" не имѣетъ ни сна, ни обмороковъ, и въ немъ поэтому никогда не бываетъ полныхъ перерывовъ сознанія—и съ той еще большей разницей, что общественная „мысль" не сосредоточена въ какомъ то спеціальномъ органѣ—общественной нервной системѣ — а разлита по всему обществу.

Общество „мыслитъ“ всѣмъ своимъ тѣломъ. Пользуясь нашимъ сравненіемъ, мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что общество, какъ система раздѣленнаго труда (съ экономической основой и политической, научной и др. надстройками), соотвѣтствуетъ животному организму съ его многосложной системой органовъ, служащихъ для главной задачи организма — питанія; психологія общества соотвѣтствуетъ психическому процессу этого животнаго организма. И здѣсь, какъ и для организма—въ вопросѣ объ отношеніи между объективнымъ экономическимъ процессомъ и субъективнымъ психологическимъ, рѣшающимъ, опредѣляющимъ, является объективный процессъ: „Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе“. Отношеніе, связывающее „сознаніе“ и „бытіе“, психологію и экономію общества, мы будемъ въ отличіе отъ другого, которое мы назвали связью органической, называть отношеніемъ или связью параллелизма, связью соотвѣтствія.

Но, могутъ спросить, какой имѣетъ смыслъ — при допущеніи параллелизма и одновременности экономическаго и психологическаго процессовъ — говорить, что одинъ изъ нихъ, экономическій опредѣляетъ другой? Какъ понять формулу, что бытіе опредѣляетъ сознаніе, разъ они представляютъ двѣ неразрывныя стороны одного цѣлаго, разъ они все время протекаютъ параллельными ручьями?

Попытаемся уяснить себѣ это на какомъ-нибудь примѣрѣ. Одно изъ крупнѣйшихъ явленій современной общественной психологіи — это соціалистическое движеніе. Огромная и все растущая масса членовъ общества — рабочій классъ и переходящіе на его точку зрѣнія элементы изъ другихъ классовъ— начинаютъ проникаться сознаніемъ, идеей не-

обходимости уничтожить современный, имѣющій въ своей основѣ частную собственность на орудія производства, строй и замѣнить его инымъ, коммунистическимъ. Откуда взялось это господствующее надъ всѣмъ теченіе современной психики? Для объясненія его мы, конечно, не будемъ обращаться къ какой-то сверхъестественной идеѣ — назовемъ ли мы ее Міровымъ Духомъ или идеей прогресса,—ради исполненія замысловъ которой зародились въ нѣдрахъ буржуазнаго общества эти революціонныя стремленія. Не удовлетворятъ насъ и объясненія въ духѣ Тарда, будто подъ вліяніемъ такихъ геніальныхъ „изобрѣтателей", какъ Марксъ и Энгельсъ, коммунистическія идеи были подняты и разнесены неудержимой волной подражанія: эти идеи воспринимаются только однимъ опредѣленнымъ классомъ — пролетаріатомъ — да и то въ извѣстной обстановкѣ: англійскіе рабочіе, католическій центръ въ Германіи и т. д. еще упорно сопротивляются имъ. Другіе же классы не только не „подражаютъ" идеѣ Маркса и Энгельса, но, наоборотъ, ненавидятъ ее на смерть. Очевидно, подражаніе требуетъ соотвѣтствующей, подготовленной психической почвы. И въ данномъ случаѣ пролетаріатъ „подражаетъ" самому себѣ, своей собственной идеѣ, только подслушанной и ярко выраженной геніальнымъ мыслителемъ.—Такъ же неудачна будетъ попытка объяснить происхожденіе современнаго соціализма, исходя изъ анализа психики лицъ, ставшихъ впослѣдствіи пролетаріями: какъ мы уже говорили выше (см. стр. 22), ни крестьянинъ, бѣжавшій изъ раззоренной деревни, ни ремесленникъ, раздавленный конкуренціей крупнаго капитала, и не грезили объ обществѣ съ коммунистической собственностью. Правда, они все время дѣйствовали сознательно, ставили себѣ опредѣленныя цѣли, но цѣли, содержаніе

которыхъ опредѣлялось съ одной стороны могущественнымъ инстинктомъ самосохраненія, а съ другой стороны столь же могущественными объективными условіями ихъ существованія. И въ этихъ ихъ сознательныхъ цѣляхъ, въ ихъ идеяхъ, не было въ началѣ ни грану соціализма. Они бѣжали въ большой городъ, шли на фабрику, потому что не могли не бѣжать отъ голоду, не могли не искать какого-нибудь спасенія. Въ обстановкѣ фабрично-городской жизни продолжается ихъ психическій процессъ, продолжается непрекращающаяся постановка цѣлей, но подъ вліяніемъ опять таки инстинкта самосохраненія и новой обстановки содержаніе этихъ цѣлей мѣняется. Рабочіе скоро убѣждаются, что для нихъ нѣтъ надежды выбиться изъ своего положенія, что имъ не стать уже самостоятельными хозяевами на своемъ клочкѣ земли или за своимъ верстакомъ. Лишенные собственныхъ орудій производства, они легко приходятъ къ мысли о ненужности для нихъ частной собственности, и т. д. и т. д. Мы не будемъ развивать здѣсь этого всѣмъ хорошо извѣстнаго процесса превращенія рабочихъ въ носителей коммунистическаго идеала.

Что же раскрываетъ намъ этотъ процессъ по интересующему насъ вопросу? Прослѣдивъ родословную занимающей насъ идеи современнаго коммунизма, мы не можемъ открыть слѣдовъ ея въ предшествовавшемъ психологическомъ процессѣ. Психическій процессъ людей, дѣйствительно, тянется непрерывно, но, если мы будемъ исходить только изъ него, то мы не въ состояніи открыть внутренней связи, закономѣрности между его преемственными состояніями. Сознательная постановка цѣлей людьми не прекращается ни на одинъ моментъ,—но конечный пунктъ этого процесса совсѣмъ не похожъ на

исходный. Но мы видимъ, что два фактора все время опредѣляютъ постановку цѣлей: субъективный—инстинктъ самосохраненія, и объективный—условія, въ которыя поставлена личность, т. е. окружающая ее общественная среда производства. Но инстинктъ самосохраненія мы должны разсматривать, какъ нѣчто постоянное, равное самому себѣ. И, слѣдовательно, чтобъ понять закономѣрность въ развитіи цѣлей, въ развитіи психическаго процесса, мы должны обратиться къ измѣняющемуся элементу—къ объективнымъ условіямъ существованія, къ „бытію", какъ выражается Марксъ. „Бытіе", конечно, не создаетъ „сознаніе", психику, но, воздѣйствуя на самый общій, формальный элементъ ея—на инстинктъ самосохраненія—опредѣляетъ то или иное содержаніе „сознанія". Но опредѣляетъ не моментально и автоматически, а постепеннымъ и долгимъ приспособленіемъ сознанія къ измѣняющимся объективнымъ условіямъ. Поэтому, если мы говоримъ, что экономическій процессъ и идеологическій—двѣ стороны одного цѣлаго, и что идеологія соотвѣтствуетъ экономикѣ, то это соотвѣтствіе не статическое, а динамическое: оно осуществляется не въ каждый данный моментъ, а только въ процессѣ развитія. Конечно, тамъ, гдѣ объективныя условія остаются неизмѣнными долгое время, гдѣ извѣстная экономическая структура существуетъ вѣка, не развиваясь, тамъ съ теченіемъ времени (понятно, тоже послѣ долгаго процесса приспособленія) устанавливается такое полное и неизмѣнное соотвѣтствіе между экономикой и психикой общества, что они кажутся какъ бы созданными одновременно или вѣчно существующими. Таковы, напримѣръ, первобытныя коммунистическія

общины, такова, напримѣръ, деревня до побѣдоноснаго вторженія въ нее товарно-денежнаго хозяйства, (см. напр. у Успенскаго въ его „Власти земли", „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ" и др. удивительно глубокое и проницательное описаніе этого идеальнаго соотвѣтствія земледѣльческой экономики и идеологіи). Но тамъ, гдѣ экономическая структура находится въ непрерывномъ развитіи, тамъ и параллельный ей общественный психологическій процессъ все время развивается въ попыткахъ приспособленія. Но это приспособленіе и соотвѣтствіе замѣчается не въ любой моментъ, а лишь для болѣе или менѣе продолжительнаго періода, для цѣлой эпохи развитія *).

Мы показали такимъ образомъ, въ чемъ состоитъ связь соотвѣтствія между психологіей общества и его экономіей. Но не слѣдуетъ думать, что она кореннымъ, безусловнымъ образомъ отличается отъ той органической связи, которая соединяетъ между собой разныя отрасли общественнаго труда. Между ними имѣются переходныя ступени. Дѣло въ томъ, что хотя „психологія" и разлита безраздѣльно во всемъ общественномъ цѣломъ, но наряду съ этимъ она, такъ сказать, сгущается, собирается въ отдѣльные „нервные узлы" общественнаго организма, становясь тогда ужъ частью общественнаго труда. Такъ языкъ, оставаясь достояніемъ всѣхъ членовъ общества, въ то же время въ изящной литературѣ находитъ себѣ особый общественный органъ. Литература, а съ нею и литературный языкъ — становится особой вѣтвью общественнаго труда съ

*) О процессѣ зарожденія и развитія „идей" подъ вліяніемъ измѣненій объективнаго экономическаго процесса см. напр. у Кржывицкаго: „Генезисъ идей" (М, Божій, 1897 г., май).

своими особыми законами развитія, подчиняющимися однако, основной закономѣрности экономическаго развитія. То же самое можно сказать о религіозныхъ представленіяхъ: какъ чистая идеологія, они разлиты во всей народной массѣ болѣе или менѣе тонкимъ слоемъ. Но на ряду съ этимъ въ церковной организаціи, въ теологіи и отчасти въ философіи они спеціализируются, какъ особыя области общественнаго труда. То же мы видимъ на примѣрѣ правовыхъ, соціальныхъ, моральныхъ и т. д. воззрѣній: оставаясь въ неорганизованномъ видѣ распространенными по всѣму общественному тѣлу, какъ часть его психологіи, они въ то же время становятся предметами дѣятельности особыхъ общественныхъ органовъ, особыхъ разновидностей общественнаго труда.

Все это осложняетъ картину тѣхъ взаимодѣйствій, въ которыя вступаютъ между собой различныя соціальныя явленія, но основа всѣхъ этихъ взаимодѣйствій для насъ теперь ясна. Всѣ общественныя явленія сводятся къ экономическому труду, къ экономической структурѣ, или черезъ связь соотвѣтствія, или черезъ связь органическую. Закономѣрное развитіе экономической структуры является опредѣляющимъ для закономѣрнаго развитія политическаго, психологическаго и другихъ общественныхъ факторовъ.

Но, спроситъ иной читатель, гдѣ обѣщанный монизмъ общественной жизни? Вѣдь вамъ пришлось при объясненіи зарожденія идей современнаго коммунизма прибѣгнуть къ особому психическому фактору — инстинкту самосохраненія. При анализѣ процесса развитія какой-нибудь другой области

общественной психологіи пришлось бы, можетъ быть, прибѣгнуть къ новому психическому фактору и т. д. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что одной экономикой нельзя объяснить всей совокупности общественнаго процесса. На ряду съ ней надо признать самостоятельное и даже первичное существованіе другого основного элемента общественной жизни — человѣческой психики съ ея разнообразными способностями. Не имѣй человѣкъ при зарожденіи общественной жизни своего высоко развитаго интеллекта, не имѣй онъ дара членораздѣльной рѣчи, не будь у него изумительной гибкости и измѣнчивости психики — и вся исторія была бы иной; да, вѣроятнѣе всего, ея бы и не было, какъ человѣческой исторіи. Итакъ, при объясненіи историческаго процесса, надо имѣть въ виду, по крайней мѣрѣ, два фактора: объективный — экономику, и субъективный — данную первоначально психику. Не монизмъ представляетъ собой исторія, а, по меньшей мѣрѣ, дуализмъ.

Всѣ эти замѣчанія объ огромномъ значеніи для исторіи развитаго интеллекта, гибкой психики и пр. безусловно вѣрны. Къ нимъ можно было бы присоединить еще цѣлый рядъ такихъ же вѣрныхъ указаній: исторія была бы иной, не будь у человѣка его чудеснаго большого пальца руки; исторія было бы иной, или ея бы даже совсѣмъ не было, будь температура земного шара на нѣсколько градусовъ выше, и т. д., и т. д. Словомъ исторія, какъ извѣстный конкретный, имѣвшій мѣсто въ прошломъ процессъ является результатомъ тысячи перекрестившихся въ одномъ пунктѣ случайностей. Но вѣдь не эта сторона дѣла насъ занимаетъ при изученіи закономѣрности историческаго процесса. Мы всѣ эти перекрестившіяся въ одномъ пунктѣ

случайности принимаемъ, какъ данныя. Мы принимаемъ, какъ данное, какъ исходный пунктъ историческаго процесса и способность рѣчи, и даръ мысли, и пластичность психики. Мы спрашиваемъ только: почему этотъ даръ мысли былъ направленъ въ такую-то сторону и развивался такимъ-то образомъ? И мы спрашиваемъ далѣе: почему гибкая человѣческая психика преемственно заполнялась самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, самыми разнообразными представленіями и интересами? Мы спрашиваемъ вообще: чѣмъ объяснить закономѣрность всего психологическаго процесса въ исторіи? И мы отвѣчаемъ: эта психическая закономѣрность вторичная, производная. Опредѣляется она въ цѣломъ объективными условіями существованія общества, т. е., иначе говоря, его экономической структурой, да и не можетъ иначе опредѣляться, ибо роль психики въ томъ и состоитъ, что черезъ нее и въ ней находитъ свое субъективное выраженіе приспособленіе организма къ его средѣ. „Сознаніе“ людей опредѣляется ихъ „бытіемъ“ — это и значитъ, что общественная психологія, взятая въ цѣломъ, приспособляется къ условіямъ существованія общества. Историческій же монизмъ состоитъ не въ томъ, что признается существованіе одной только „экономики“ и не принимается въ расчетъ наличность психики и другихъ прекрасныхъ вещей, — а въ томъ, что признается лишь одна основная закономѣрность, закономѣрность экономическаго развитія, по отношеніи къ которой закономѣрность политическая, идеологическая и т. д. является отраженной, производной.

Матеріалистическое пониманіе исторіи не устра-

няетъ человѣческой психики и ея особенностей. Наоборотъ, именно оно—и только оно—умѣетъ использовать эти особенности при объясненіи исторіи. Только съ точки зрѣнія историческаго матеріализма исторія становится понятной, какъ закономѣрный психическій процессъ. Мы выше говорили, что общество разсматривается имъ, какъ многообразно расчлененная трудовая ассоціація. Но эта трудовая ассоціація не представляетъ собой нѣчто гармоничное. Человѣческое общество—это не организмъ, всѣ части котораго въ нормальномъ состояніи дружно сотрудничаютъ для блага цѣлаго. Оно отличается также отъ общества животныхъ (напр. общества пчелъ, муравьевъ), гдѣ вся дѣятельность отдѣльныхъ членовъ безусловно подчинена интересамъ цѣлаго, интересамъ вида. Человѣкъ освободился уже отъ исключительнаго подчиненія цѣлямъ природы. Онъ высоко поднялся надъ уровнемъ инстинкта, направляющаго всю дѣятельность животныхъ и заставляющаго ихъ преслѣдовать и осуществлять почти однѣ только задачи существованія вида. Для человѣка, при его развитой психикѣ, не существуетъ однообразныхъ, застывшихъ на тысячелѣтія, формъ мысли и чувствованія. Даже такія первичные біологическіе мотивы, какъ инстинктъ самосохраненія, половое чувство, материнскій инстинктъ, могутъ принимать въ его жизни самое разнообразное, и даже противоположное содержаніе. Развитость и гибкость человѣческой психики дѣлаетъ поэтому возможнымъ болѣе или менѣе полное расхожденіе личныхъ цѣлей съ задачами всего общественнаго цѣлаго. Благодаря этой психической гибкости человѣка общество имѣетъ въ себѣ задатки, „потенціи“, стать антагонистичнымъ. О томъ же, чтобъ перевести эти задатки и возможности въ дѣй-

ствительность, заботится ужъ само экономическое развитіе.

Трудовая ассоціація была гармоничной лишь на первыхъ ступеняхъ человѣческой исторіи. Съ ростомъ же производительныхъ силъ, съ ростомъ раздѣленія труда и самихъ обществъ, съ переходомъ къ неорганизованному производству, появляются начала антагонизма, все болѣе затѣмъ охватывающаго всю жизнь обществъ. Интересы различныхъ группъ людей, занимающихъ разное положеніе въ производствѣ, начинаютъ мало-по-малу расходиться. На почвѣ раздѣленія труда выростаютъ классы съ различными или противоположными интересами, и начинается непрерывная борьба классовъ, заполняющая собой всю внутреннюю исторію обществъ. Возьмемъ какое нибудь первобытное общество при переходѣ его къ осѣдлому земледѣльческому образу жизни. Если оно окружено воинственными пастушескими и кочевыми племенами, то оно должно выдѣлить изъ себя для правильнаго веденія производства и для охраны его особую группу лицъ, занимающихся спеціально военнымъ дѣломъ. Этотъ выдѣлившійся классъ воиновъ, не занятый непосредственно въ производствѣ и ведущій совсѣмъ особый образъ жизни, неизбѣжно, въ силу именно гибкости и приспособляемости человѣческой психики—долженъ занять особое положеніе по отношенію къ трудящемуся земледѣльческому населенію. Его интересы не совпадаютъ ужъ цѣликомъ съ интересами класса производителей. Эти интересы солидарны, покуда дѣло идетъ объ отраженіи непріятеля, покуда приходится защищать все національное цѣлое. Но во внутренней жизни общества они начинаютъ рѣзко расходиться: при распредѣленіи общественнаго продукта, чѣмъ меньше придется на долю самихъ производителей, тѣмъ

больше достанется классу воиновъ. Этотъ зародышъ классоваго противорѣчія, при цѣломъ рядѣ благопріятствующихъ обстоятельствъ (при первобытной наслѣдственности занятій, при организованности военнаго класса и т. д.) впослѣдствіи пышно разростается и превращается въ острую противоположность межъ господствующей военной кастой и порабощеннымъ трудовымъ населеніемъ. Біологическій инстинктъ самосохраненія, выражавшійся въ первобытномъ коммунистическомъ обществѣ въ чувствѣ общей солидарности, здѣсь уже раздваивается: солидарность остается для своего обособленнаго круга воиновъ; по отношенію же къ другой части членовъ того же общества, непосредственныхъ производителей, онъ принимаетъ форму эксплуатаціи ихъ труда.

Эти немногія строки, конечно, лишь грубая иллюстрація того, какъ вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ возникаютъ различные классы со своими антагонистическими интересами. Но мы и не намѣрены вдаваться въ подробное описаніе этого (различнаго въ разныхъ случаяхъ) процесса на основаніи дѣйствительнаго историческаго матерьяла. Намъ важно лишь подчеркнуть слѣдующія два обстоятельства:

1) То, что въ обществахъ съ неорганизованнымъ производствомъ — т. е. въ тѣхъ обществахъ, съ которыми имѣетъ дѣло писанная исторія, надъ всѣмъ многообразнымъ расчлененіемъ общественнаго труда господствуетъ его раздѣленіе на сравнительно немногіе классы (съ ихъ подраздѣленіями). Исторія прежде всего является намъ, какъ исторія борьбы классовъ: съ одной стороны классовъ господствующихъ, т. е. владѣльцевъ источниковъ существованія (земли и орудій производства, включая въ число послѣднихъ и

важнѣйшее изъ нихъ—самого человѣка), съ другой классовъ эксплуатируемыхъ, порабощенныхъ. Около этого основного сюжета исторической драмы вертится огромное множество менѣе важныхъ, второстепенныхъ дѣйствій, какъ его слѣдствіе или дополненіе: борьба различныхъ фракцій господствующихъ классовъ между собой, борьба за центральную политическую власть или съ нею и т. д.

2) Съ точки зрѣнія классовой борьбы (и дополняющей ее борьбы разныхъ общественныхъ подгруппъ) психологическій общественный процессъ дѣлается нагляднѣе, конкретнѣе. Психическій процессъ обществъ представляется намъ, какъ борьба различныхъ классовыхъ интересовъ съ отражающей ее разнообразной идеологіей (литературной, научной, философской, религіозной и т. д.), какъ развитіе различныхъ классовыхъ психологій и проч.

Съ этой точки зрѣнія подробно и наглядно раскрывается передъ нами весь психическій механизмъ общества: ровной нескончаемой лентой вьются во всѣхъ направленіяхъ огромные пассы и тонкіе безконечные ремни — классовые интересы и интересы меньшихъ общественныхъ подгруппъ; съ немолчнымъ визгомъ, свистомъ, шумомъ, вертятся многочисленныя колеса и шестерни, подымаются и опускаются огромные молоты, рѣжутъ крѣпкую сталь гигантскія ножницы—вся эта пестрая и сложная картина бѣшенной соціальной схватки; медленно и неохотно поворачивается грузное маховое колесо Традиціи, дѣлая равномѣрнымъ и непрерывнымъ совокупное движеніе всего колоссальнаго механизма. А источникъ всего этого нескончаемаго движенія—соціальная энергія сотрудничества — скрытый отъ любопытнаго, но поверхностнаго взгляда двигатель стоитъ въ подвальномъ этажѣ всего зданія.

Всѣ части обширнаго механизма нужны для его правильнаго функціонированія. Безъ пассовъ и передаточныхъ ремней мертвой грудой стояли бы всѣ безчисленныя колеса и рабочіе инструменты. Но не изъ себя черпаютъ пассы необходимую для движенія машины энергію; всю ее цѣликомъ они берутъ у скрытаго отъ глазъ двигателя, только разнося ее по разнымъ частямъ механизма.

Точно такъ же, безъ существованія особаго самостоятельнаго „фактора“ — человѣческой психики и ея особенностей — нѣтъ человѣческой исторіи. Но закономѣрность этой исторіи въ ея совокупности выясняется лишь при разсмотрѣніи развитія экономической основы, а не оставаясь на почвѣ голаго психологизма. Такъ, напр., не потому существуютъ фабриканты и рабочіе, что люди руководствуются въ своей жизни чувствами эгоизма, заботами о собственномъ благополучіи и другими индивидуально-психологическими мотивами, а, наоборотъ, потому, что существуютъ фабриканты и рабочіе, появляются различныя классовые интересы, различныя классовыя психологіи, на одномъ полюсѣ которыхъ неизбѣжно собираются — эгоизмъ, жадность, эксплуататорскія наклонности, а на другомъ съ той же неизбѣжностью распускаются высшіе плоды человѣческой солидарности. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ классовое бытіе, а ихъ классовое бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе.

6.

Въ человѣческомъ обществѣ, сказали мы, біологическая борьба за существованіе принимаетъ форму организованнаго общественнаго труда. Но и подъ этой новой и сложной формой остается неизмѣн-

нымъ ея старинное простое содержаніе—непрерывная активная борьба съ окружающей природой,—и именно въ исторіи человѣчества она принимаетъ наиболѣе активный, наиболѣе рѣшительный характеръ. Человѣчество живетъ въ природѣ,—и поэтому зависимость его отъ нея никогда не прекращается. Но изъ гнетущей, непосредственной, какой она была въ началѣ, она становится все болѣе мягкой и посредственной. Цѣпь необходимости, которою человѣчество приковано къ физической основѣ своего бытія, никогда не порывается, но она дѣлается все длиннѣе, а тяжесть ея все легче.

Оставаясь всегда связаннымъ этой цѣпью, человѣчество получаетъ, однако, все большій просторъ для своихъ дѣйствій; практически оно дѣлается все болѣе и болѣе свободнымъ. Въ этомъ то практическомъ смыслѣ слова и можно сказать, что человѣчество постепенно завоевываетъ природу, что оно подчиняетъ ее своимъ цѣлямъ: исторія человѣчества есть, такимъ образомъ, постепенный переходъ отъ рабства къ свободѣ, отъ подчиненія къ господству.

Та площадь свободнаго дѣйствія, которую общества въ разныя эпохи отвоевываютъ у природы, и является основой всей дальнѣйшей исторіи ихъ развитія, ибо на этой площади, какъ на аренѣ, развертывается все историческое дѣйствіе. Исторія обществъ опредѣляется поэтому въ конечномъ счетѣ степенью ихъ свободы отъ природы, мѣрой ихъ господства надъ ней, или, иначе говоря, степенью развитія ихъ производительныхъ силъ.

Что такое производительныя силы общества?—Это совокупность цѣлаго ряда явленій физическаго, біологическаго, соціологическаго и т. д. характера, отъ которыхъ зависитъ власть человѣка надъ окружающей его природой, его матерьяльное богатство.

Плодородіе почвы, наличность въ странѣ полезныхъ для человѣка животныхъ или растеній, тѣ или иныя формы сотрудничества, повышающія производительность труда, усовершенствованныя орудія производства и пр.—все это входитъ въ понятіе производительныхъ силъ, ибо всѣмъ этимъ опредѣляется размѣръ власти человѣка надъ природой. Прирученіе домашнихъ животныхъ, переходъ къ земледѣлію и осѣдлой жизни, мануфактурное раздѣленіе труда, примѣненіе силы пара въ промышленности—все это разныя ступени роста производительныхъ силъ, составившія эпохи въ исторіи человѣчества. Послѣдней причиной всего общественнаго развитія и является, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, ростъ производительныхъ силъ, неизбѣжно ведущій за собой болѣе или менѣе быстрое, болѣе или менѣе бурное измѣненіе экономической структуры и связанныхъ съ нею надстроекъ и идеологій.

Но, могутъ намъ сейчасъ же возразить, вы признаете, такимъ образомъ, опредѣляющее въ конечномъ счетѣ вліяніе на человѣческую исторію почвы, климата и цѣлаго множества другихъ не только неэкономическихъ, но даже несоціальныхъ факторовъ? Съ другой стороны, что остается здѣсь отъ хваленаго монизма матеріалистическаго пониманія исторіи? Скорѣе можно найти монизмъ у тѣхъ соціологовъ, которые придаютъ рѣшающее значеніе или географическому фактору (Бокль, Мечниковъ, Маттеуца), или антропологическому (Лапужъ, Аммонъ), или біологическому фактору размноженія (Дюркгеймъ, Костъ). У нихъ дѣйствительно (удачно или неудачно—это другой вопросъ) проводится монистическое пониманіе историческаго процесса. У васъ же, историческихъ матеріалистовъ, въ основѣ всего историческаго развитія лежитъ какое то сборное

понятіе производительныхъ силъ, представляющее окрошку изъ самыхъ различныхъ факторовъ. Съ вашимъ монизмомъ дѣло обстоитъ, очевидно, скверно. Матеріалистическое пониманіе исторіи до того неполно охватываетъ общественное развитіе, что подъ конецъ самъ Энгельсъ вынужденъ былъ непомѣрно расширить его, включивъ въ число экономическихъ отношеній и географическое положеніе мѣстности, и среду, окружающую данное общество, и расу (см. его письма 90-хъ годовъ). При такомъ широкомъ толкованіи „экономики“ она, конечно, можетъ объяснить весь историческій процессъ, но именно дорогой цѣной того, что перестаетъ быть экономикой. Экономическій матеріализмъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи самъ уничтожаетъ себя, самъ отрицаетъ себя.

Остановимся на этомъ возраженіи, чтобъ точнѣе уяснить себѣ, въ чемъ заключается монизмъ матеріалистическаго пониманія исторіи, и какую роль оно приписываетъ физическимъ факторамъ. Разберемъ для этого одну какую-нибудь изъ перечисленныхъ выше теорій. Возьмемъ, напримѣръ, наиболѣе извѣстную— географическую теорію (наши разсужденія будутъ примѣнимы и къ другимъ теоріямъ).

Первымъ популяризировавшимъ ее былъ Монтескье, у котораго она является еще собственно теоріей опредѣляющаго вліянія климата. Въ особенностяхъ климата Монтескье ищетъ объясненія различія характера и страстей у разныхъ народовъ. Онъ довольно подробно и наивно развиваетъ свое положеніе. Такъ, говоритъ онъ, въ холодномъ климатѣ „дѣйствіе сердца и обратное дѣйствіе оконечностей нервовъ происходятъ лучше; органическія жидкости находятся въ лучшемъ равновѣсіи, кровь стремительнѣе направляется къ сердцу и обратно, сердце имѣетъ

болѣе силы. Эта большая сила производитъ рядъ благодѣтельныхъ дѣйствій: напримѣръ, больше увѣренности въ себѣ, т. е. больше мужества; большее сознаніе своего превосходства, слѣдовательно и меньшее желаніе мести; большую увѣренность въ своей безопасности, а значитъ и большую откровенность и меньше подозрительности, хитростей, политики" (Духъ законовъ", кн. XIV, гл. II). Въ жаркомъ же климатѣ народы робки, какъ старики, болѣе чувствительны, болѣе пылки и пр. Въ зависимости отъ различнаго характера народовъ въ разныхъ климатахъ различно будетъ протекать и ихъ исторія.

Какъ видимъ, это еще совсѣмъ примитивная и наивная форма пониманія закономѣрности историческаго процесса. Климатъ здѣсь воздѣйствуетъ непосредственно на каждую отдѣльную личность, на каждую животную особь вида homo sapiens. Вырабатывая въ нихъ тѣ или иныя свойства, климатъ является лишь первымъ толчкомъ, первымъ двигателемъ исторіи: въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, т. е. именно въ своей исторической, общественной сторонѣ — она предоставлена игрѣ страстей отдѣльныхъ личностей. Такимъ образомъ, закономѣрность самого историческаго процесса здѣсь не затрагивается, да она и не можетъ быть объяснена этой теоріей, ибо климатъ—это факторъ постоянный, исторія же—это непрерывное измѣненіе.

Несравненно болѣе развитую форму имѣетъ географическая теорія у Бокля, различающаго уже четыре главныхъ вида физическихъ факторовъ, вліяющихъ на исторію: климатъ, пищу, почву и общій видъ природы. Этотъ четвертый факторъ дѣйствуетъ тоже непосредственно на психику каждой отдѣльной личности. Такъ, величественныя и грозныя явленія

природы: землетрясенія, вулканическія изверженія, ураганъ, нападенія опасныхъ хищниковъ — все это прямо и непосредственно дѣйствуетъ на душу человѣка. Подобныя явленія наполняютъ его чувствомъ подавленности и страха, развиваютъ его суевѣріе, воспламеняютъ воображеніе насчетъ разсудка и пр. Все это мы ясно видимъ, напримѣръ, въ религіозныхъ представленіяхъ и въ литературѣ народовъ, живущихъ подъ тропиками, гдѣ стихійныя силы природы проявляются въ особенно грозной для человѣка формѣ. — Что же касается другихъ факторовъ, то Бокль разсматриваетъ ихъ уже съ точки зрѣнія ихъ вліянія на производство матерьяльнаго богатства. Климатъ и почва интересуютъ его лишь постольку, поскольку они вліяютъ на болѣе легкое и обильное производство пищи, количествомъ которой и распредѣленіемъ опредѣляется дальнѣйшая исторія обществъ. Это уже не непосредственное, какъ у Монтескье, а посредственное, косвенное вліяніе; климатъ и почва разсматриваются въ своемъ вліяніи не на свойства отдѣльной личности, а на совокупность общественнаго производства и распредѣленія. Въ своемъ значеніи для историческаго процесса они проходятъ сперва черезъ общественную среду, черезъ призму производства. Благодаря этой точкѣ зрѣнія Бокль даетъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній насчетъ исторіи Индіи, Египта, Перу. Но Бокль не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи общественной среды для его теоріи, и поэтому она у него остается — еще въ неразработанномъ видѣ теорія физическихъ факторовъ.

У Мечникова, въ его замѣчательной книгѣ „Цивилизація и великія историческія рѣки“ уже самымъ яснымъ образомъ выдвинуто значеніе общественнаго

фактора. Великими историческими рѣками онъ называетъ системы Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Гоанго и Янтсекіанга, на которыхъ выросли первыя крупныя цивилизаціи человѣчества. Эти цивилизаціи несомнѣнно связаны въ своемъ происхожденіи съ системами великихъ рѣкъ, и Мечниковъ задаетъ себѣ вопросъ, въ чемъ заключается эта связь, на чемъ основано величіе великихъ рѣкъ, чѣмъ замѣчательны онѣ? И онъ отвѣчаетъ, что отличительная особенность ихъ не въ длинѣ, не въ обиліи выносимыхъ ими въ океанъ водъ. Онѣ „обладаютъ одной замѣчательной, характерной чертой, способной объяснить секретъ ихъ славныхъ судебъ. Всѣ онѣ обращаютъ орошаемыя ими страны то въ плодородныя житницы, питающія милліоны людей за трудъ нѣсколькихъ дней, то въ чумныя болота, усѣянныя трупами безчисленныхъ жертвъ (курсивъ Мечникова). Специфическая географическая среда этихъ рѣкъ могла быть эксплуатирована лишь коллективнымъ, сурово дисциплинированнымъ трудомъ безчисленнаго народонаселенія, состоявшаго хотя бы изъ самыхъ разнородныхъ и различающихся по языку, расѣ, нравамъ и наружному виду племенъ и расъ. Каналы Кянгъ-Нанъ и плотины Гоанго являются, вѣроятно, результатами мудро объединенной работы гораздо болѣе многочисленныхъ поколѣній, нежели какія выстроили пирамиды и храмы Египта. Малѣйшее нерадѣніе при прорытіи какого-нибудь рва, въ поддержаніи какого-либо сооруженія, простая лѣность, эгоизмъ одного человѣка или небольшой группы ихъ при общей работѣ надъ коллективнымъ богатствомъ—драгоцѣнной влагой—и общественное бѣдствіе, непоправимое несчастіе готово. Подъ страхомъ неминуемой смерти рѣка-кормилица внушаетъ населенію солидарность и стре-

мленіе объединять свои силы, хотя бы на самомъ дѣлѣ отдѣльныя группы населенія не знали и даже ненавидѣли другъ друга. Она присуждаетъ каждаго члена общества къ исполненію части общественной работы, полезность которой познается впослѣдствіи, а вначалѣ бываетъ непонятной громадному большинству. Зачастую даже это большинство не въ состояніи дать себѣ отчета о планѣ исполненія общей работы. Вотъ гдѣ истинный источникъ боязливаго благоговѣнія и уваженія, проявляемыхъ народами по адресу рѣкъ, этихъ божествъ, прокармливающихъ и управляющихъ, умерщвляющихъ и оживотворяющихъ, открывающихъ свои тайны только немногимъ избраннымъ, а всѣми остальными смертными повелѣвающихъ и управляющихъ на подобіе того, какъ управляетъ ими судьба" („Цивилизація и велик. истор. рѣки", с. 118).

Итакъ, особенность великихъ историческихъ рѣкъ та, что онѣ принуждаютъ человѣка къ опредѣленнымъ коллективнымъ формамъ труда. Вліяніе ихъ на человѣка не непосредственное: онѣ дѣйствуютъ на него, какъ на члена извѣстнаго трудового цѣлаго, они вліяютъ на него черезъ посредство соціальной среды производства. Великія рѣки въ своемъ значеніи для исторіи представляютъ какъ бы матеріальную часть производственнаго процесса, подобно тому, какъ являются ею и плотины, устраиваемыя поперекъ ихъ, чтобы поднять въ извѣстные моменты уровень воды, какъ являются ею различные отводные каналы, запасные водоемы и пр. Великія рѣки разсматриваются здѣсь подъ угломъ зрѣнія трудового, производственнаго процесса межъ человѣкомъ съ природой. Это вноситъ крупное измѣненіе въ первоначальную, чисто географическую теорію.

Еще важнѣе со стороны этихъ измѣненій слѣ-

дующія слова Мечникова: „Въ египетской долинѣ, какъ и всюду, во всемъ свѣтѣ, политическій и соціальный строй населенія естественно и логически вытекаетъ изъ отношеній между характеромъ кооперативной дѣятельности, опредѣляемой средой, съ одной стороны, и между способностью населенія доставить въ силу свободнаго и добровольнаго сообщничества, а также благодаря высоко развитой соціальной организаціи, достаточную сумму коллективной работы извѣстнаго качества, требуемой средой—съ другой. Два опредѣляющихъ начала, указываемыхъ здѣсь, т. е. среда и способность жителей къ приспособленію, являются элементами измѣнчивыми (курсивъ Мечникова), откуда неопровержимо слѣдуетъ, что и историческія судьбы народовъ, разселенныхъ по какимъ бы то ни было странамъ, должны постоянно измѣняться. За исключеніемъ очень небольшого количества частныхъ случаевъ, поименованныхъ уже выше, здѣсь можно не принимать въ расчетъ медленныхъ и малозначущихъ въ исторіи человѣчества геологическихъ и климатическихъ измѣненій. Наоборотъ, совершенно иначе надлежитъ относиться къ измѣненіямъ великой важности, вносимымъ въ природу страны успѣхами техники и промышленности и, вообще, всѣмъ накопленнымъ трудомъ послѣдовательныхъ поколѣній". (Ув., с. 139).

Здѣсь Мечниковъ вноситъ еще болѣе крупное измѣненіе въ географическую теорію. Неизмѣнные постоянные физическіе факторы не могутъ объяснить исторіи, которая есть само измѣненіе. Только измѣняющаяся общественная среда производства и измѣняющаяся подъ вліяніемъ успѣховъ техники и вообще человѣческаго труда географическая среда великихъ рѣкъ способны

объяснить историческій процессъ. Въ концѣ концовъ измѣняющимся элементомъ является соціальная среда.

Таковы главныя превращенія географической теоріи. Теперь остается только послѣдовательно продолжить точку зрѣнія Мечникова и перенести логическое удареніе съ естественной внѣшней среды (великихъ рѣкъ съ ихъ особенностями) на искусственную соціальную среду, сквозь призму которой проходитъ вліяніе внѣшней среды, и мы получимъ точку зрѣнія историческаго матеріализма (правда частичную, ибо для нея дѣло не въ одной только географической средѣ). Аналогичнымъ образомъ мы могли бы разобрать и біологическую и антропологическую теоріи. Мы видимъ такимъ образомъ, что географскій матеріализмъ не исключаетъ значенія историческаго, біологическаго и др. „факторовъ“ — мы ужъ это говорили въ предыдущей главѣ о психическомъ факторѣ—наоборотъ, онъ принимаетъ ихъ всѣ въ соображеніе,—но онъ разсматриваетъ ихъ подъ угломъ зрѣнія общественнаго процесса производства и показываетъ, что только съ этой точки зрѣнія исторія представляется какъ единое и закономѣрное цѣлое. Въ этомъ и заключается монизмъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Историческій матеріализмъ соединяетъ, такимъ образомъ, въ себѣ всѣ эти односторонніе монистическія теоріи, но соединяетъ ихъ не эклектически, не ссылаясь на взаимодѣйствіе различныхъ „факторовъ“, а разсматривая эти факторы, какъ разныя стороны одного и того же производственнаго процесса.

Насъ не долженъ поэтому удивлять ни „сборный“ характеръ понятія производительныхъ силъ, ни

тотъ фактъ, что Энгельсъ зачислялъ и географическую среду и расу въ экономическіе факторы. Насъ интересуетъ въ исторіи лишь соціальная сторона всѣхъ этихъ факторовъ, плоскость ихъ соприкосновенія съ общественнымъ процессомъ производства, а не ихъ географическія и біологическія стороны. Точно такъ и въ политической экономіи, въ трудовой теоріи стоимости, мы пренебрегаемъ ролью природы въ созданіи продукта; въ мѣновой стоимости (не въ потребительной) мы видимъ лишь извѣстное общественное отношеніе и ищемъ ему объясненіе соціальнаго же характера.

Въ совокупности разнородныхъ явленій, объединяемыхъ нами въ понятіи производительныя силы, на первый планъ выдвигается одно чисто общественнаго, и притомъ человѣчески-общественнаго характера,—это техническій факторъ орудій производства. Производствомъ этихъ орудій, какъ мы говорили, человѣческое обшество отличается отъ обществъ животныхъ. Благодаря имъ, главнымъ образомъ, и созданному ими колоссальному росту производительности труда, человѣческое общество освободилось отъ господства природы, отъ „власти земли“, власти рѣкъ и другихъ факторовъ окружающаго физическаго міра. Въ сравненіи съ значеніемъ орудій производства роль естественныхъ факторовъ матеріальнаго богатства—естественнаго плодородія почвы, географическаго мѣстоположенія и пр. — дѣлается все меньше: усовершенствованныя орудія болѣе или менѣе уравниваютъ въ этомъ отношеніи различныя страны.

Въ третьей главѣ мы уже обсуждали вопросъ, не сводится ли, при допущеніи такой огромной роли орудій производства, закономѣрность историческаго процесса къ простой преемственности случайныхъ открытій и изобрѣтеній. Мы показали

тамъ, что сами изобрѣтенія являются лишь закономѣрнымъ продуктомъ назрѣвшей общественной потребности и вообще соціальной обстановки.

Но, возразятъ, сама эта общественная потребность и обстановка являются, мы знаемъ, плодомъ развитія общественнаго производства, зависящаго, по нашей теоріи отъ предыдущаго состоянія производительныхъ силъ—а въ томъ числѣ и орудій производства, которыя опять таки обязаны своимъ происхожденіемъ предшествовавшей общественной потребности и т. д.: общественный процесъ свертывается, такимъ образомъ, въ какой то неразрѣшимый клубокъ, гдѣ не видно, гдѣ конецъ и гдѣ начало, онъ уподобляется миѳологической змѣѣ, держащей собственный хвостъ во рту.

Мы здѣсь повторимъ сказанное ужъ нами раньше: дѣло не въ хронологической послѣдовательности (что раньше: производительныя силы или процессъ производства?). Производительныхъ силъ нельзя оторвать отъ производственнаго процесса (экономической структуры), какъ отъ чего то особаго, противостоящаго имъ и существующаго отдѣльно. Они представляютъ собой лишь разныя стороны одного закономѣрнаго историческаго процесса: производительныя силы обозначаютъ сторону, обращенную во внѣ, къ природѣ, обозначаютъ мѣру власти надъ этой природой; производственный процессъ (отношенія производства, экономическая структура)—это сторона, обращенная во внутрь, къ составляющимъ общество людямъ и ихъ взаимоотношеніямъ. Но при изученіи исторіи намъ нужно исходить изъ момента производительныхъ силъ, какъ опредѣляющаго: состояніе производительныхъ силъ устанавливаетъ на извѣстную эпоху

рамки дѣйствія общественнаго процесса производства, приспособляющагося къ нему не сразу и чаще всего путемъ революціоннымъ; въ свою очередь, этимъ общественнымъ процессомъ производства въ его развитіи создается почва для дальнѣйшаго роста производительныхъ силъ, который послужитъ исходнымъ пунктомъ для новаго процесса приспособленія производства, и т. д. Мы замѣчаемъ здѣсь то же отношеніе, которое мы нашли между „экономикой“ общества и его „психикой“: мы тамъ имѣли одновременность и динамическое соотвѣтствіе, при чемъ опредѣляющимъ является объективный внѣшній фактъ—экономика. То же отношеніе повторяется и между производительными силами и самой „экономикой“: между ними устанавливается динамическое, т. е. осуществляющееся на протяженіи извѣстной эпохи соотвѣтствіе, причемъ, опредѣляющимъ элементомъ—т. е. активнымъ, дѣйственнымъ—является обращенный во внѣ, къ окружающему міру, моментъ производительныхъ силъ.

Остается разъяснить еще одинъ вопросъ. Мы говоримъ, что ростъ производительныхъ силъ опредѣляетъ собой все общественное развитіе. Но какъ понимать этотъ ростъ ихъ? Что побуждаетъ ихъ неопредѣленнымъ образомъ возростать? Или это ростъ самопроизвольный, внутренній, „имманентный“? Но тогда не скрывается ли въ понятіи производительныхъ силъ какой-нибудь мистики? Не являются ли производительныя силы лишь новой и болѣе тонкой формой прежнихъ теологическихъ и метафизическихъ силъ—абсолютнаго духа и прогресса,—ведшихъ человѣчество, какъ слѣпца или какъ человѣка съ завязанными глазами — къ какимъ-то таинственнымъ конечнымъ цѣлямъ?

Нѣтъ, въ ученіи о ростѣ производительныхъ

силъ не кроется никакой мистики. Въ основу историческаго матеріализма кладется эмпирическій, неподлежащій никакимъ сомнѣніямъ, фактъ техническаго прогресса. Здѣсь слово „прогрессъ“ имѣетъ безусловно ясный, не допускающій какихъ-либо субъективныхъ толкованій, смыслъ. Имъ выражается лишь тотъ неоспоримый фактъ, что, взятая въ цѣломъ, исторія представляетъ картину все большаго подчиненія себѣ человѣкомъ природы. Изъ всѣхъ формъ органической жизни человѣческая трудовая ассоціація оказывается наиболѣе стойкой и наиболѣе приспособленной къ успѣшной борьбѣ съ природой. И каждая новая удача на этомъ пути облегчаетъ ей дальнѣйшіе шаги. Если въ первыхъ успѣхахъ человѣческаго общежитія — при переходѣ отъ полуживотной жизни къ жизни человѣческой—было много случайнаго и невѣрнаго (ненадежнаго), то впослѣдствіи человѣчество ужъ твердой ногой становится на открывающуюся передъ нимъ дорогу историческаго развитія. Благодаря широко развѣтвленному научно-техническому аппарату оно пускаетъ прочные корни въ окружающую его физическую природу, и никакимъ случайнымъ бурямъ не сломить его. Благодаря этимъ же корнямъ продолжается и безостановочный дальнѣйшій ростъ его. Самопроизвольный ростъ производительныхъ силъ означаетъ поэтому лишь то, что общества, по ученію Маркса и Энгельса, имѣютъ, вообще говоря, внутреннюю тенденцію переходить ко всевысшимъ техническимъ и производственнымъ формамъ (или поглощаться высшими въ производственномъ отношеніи обществами).

И это, несмотря на разъѣдающій ихъ классовый антагонизмъ. Съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса этотъ классовый антагонизмъ, при всемъ его огромномъ и рѣшающемъ значеніи, отступаетъ на второй планъ передъ

единствомъ и даже, если угодно, гармоніей того единаго трудового цѣлаго, которое представляетъ собой общество по отношенію къ природѣ. Подобно тому, какъ передъ стихійнымъ бѣдствіемъ — землетрясеніемъ, чумой, варварскимъ нашествіемъ — стушевываются классовыя различія и члены общества выступаютъ всѣ просто, какъ люди, такъ и по отношенію къ матери всѣхъ стихій—природѣ—общество является единымъ и нераздѣльнымъ цѣлымъ. Это единство и гармонія и выражаются въ понятіи производительныхъ силъ, которыя своимъ самопроизвольнымъ ростомъ ведутъ общества черезъ непрекращающуюся борьбу классовъ—къ все большему росту, къ все большей сплоченности и, наконецъ, къ уничтоженію самихъ классовъ съ ихъ антагонизмами. Въ центрѣ ученія Маркса и Энгельса лежитъ, такимъ образомъ, глубокій и здоровый оптимистическій взглядъ на ходъ развитія обществъ.

7.

Такова грандіозная историческая концепція Маркса и Энгельса.

Историческій матеріализмъ при изученіи общественныхъ явленій стоитъ прежде всего на точкѣ зрѣнія объективизма. Закономѣрность историческаго процесса есть для него закономѣрность не индивидуально-психологическая (ни тѣмъ менѣе географическая, біологическая и пр.), а соціальная закономѣрность общественнаго взаимоотношенія людей. При ближайшемъ анализѣ этой закономѣрности общественнаго взаимоотношенія, по мѣрѣ того, какъ мы поднимались отъ одного понятія къ другому, высшему, передъ нами раскрылись двѣ стороны матеріалистическаго пониманія исторіи, два, если можно такъ

выразиться, яруса мысли творцовъ экономическаго матеріализма.

Съ соціально-психологической точки зрѣнія историческій матеріализмъ разсматриваетъ общежитіе, какъ сложную трудовую ассоціацію, въ основѣ которой лежитъ трудъ экономическій. Закономѣрность всѣхъ историческихъ явленій сводится къ закономѣрности развитія экономической структуры, черезъ связь органическую или связь соотвѣтствія. Исторія есть борьба классовъ. Главныя психологическія пружины исторіи, разсматриваемой, какъ психическій процессъ, — это антагонистичные интересы различныхъ борющихся классовъ, имѣющихъ каждый свою особую классовую психологію. Вокругъ этихъ борющихся интересовъ выростаетъ сложный узоръ политическихъ, литературныхъ и другихъ идеологій. Но исторія ведетъ къ уничтоженію классовъ и къ замѣнѣ непланомѣрнаго, властвующаго надъ производителями производства планомѣрнымъ, гдѣ, наоборотъ, производители будутъ сознательно руководить производствомъ. Исторія человѣчества есть, такимъ образомъ, переходъ отъ подчиненія его передъ силами общежитія къ господству надъ ними, она есть переходъ отъ царства необходимости къ царству свободы.

Съ соціально-космической точки зрѣнія исторія разсматривается, какъ непрерывно происходящій процессъ между человѣчествомъ и природой, процессъ, въ которомъ человѣчество постепенно завоевываетъ природу. Мѣра этой власти надъ природой дается степенью развитія производительныхъ силъ, самопроизвольнымъ неограниченнымъ ростомъ которыхъ опредѣляется весь ходъ историческаго процесса. Исторія человѣчества есть постепенный переходъ отъ подчиненія его передъ силами природы къ

господству надъ ними, она есть переходъ отъ царства необходимости къ царству свободы.

Но не слѣдуетъ думать, что соціально-психологическая и соціально-космическая точки зрѣнія противоположны другъ другу или даже просто различны другъ отъ друга. Это лишь двѣ стороны, два оттѣнка мысли строго монистичной теоріи историческаго матеріализма. Только въ одномъ случаѣ общество разсматривается, какъ обращенное во внутрь, къ составляющимъ его личностямъ; въ другомъ же оно разсматривается, какъ обращенное во внѣ, къ окружающей природѣ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ оно остается все таки обществомъ, т. е. единой во всѣхъ своихъ многоразличныхъ проявленіяхъ трудовой ассоціаціей, закономѣрно развивающейся въ исторіи. Историческій матеріализмъ и показываетъ съ какого конца надо приниматься за изученіе исторіи, чтобъ раскрыть въ пей эту закономѣрность. Въ измѣненіяхъ экономики (экономической структуры) и еще глубже въ ростѣ производительныхъ силъ видитъ онъ ту красную нить, придерживаясь которой можно представить исторію, какъ единый закономѣрный процессъ. Историческій матеріализмъ есть такимъ образомъ не общая формула, дающая пригодное для всѣхъ временъ и народовъ рѣшеніе задачъ исторіи; онъ есть лишь новая точка зрѣнія на единообразный и закономѣрный ходъ исторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вытекающій изъ этой точки зрѣнія новый методъ историческаго изслѣдованія. Съ примѣненіемъ этой новой точки зрѣнія и этого новаго метода исторія становится вполнѣ научной.

Все сказанное нами здѣсь есть лишъ неполный комментарій къ классическому предисловію къ „Zur Kritik“, которымъ мы и закончимъ наше изложеніе:

„Въ общественномъ процессѣ производства своей

жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, отъ ихъ воли независимыя отношенія,— производственныя отношенія, соотвѣтствующія опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, дѣйствительную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка и которой соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ соціальный, политическій и духовный жизненный процессъ. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества вступаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или —что является лишь юридическимъ выраженіемъ этого—съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ развивались. Изъ формъ, благопріятствовавшихъ развитію производительныхъ силъ, эти отношенія производства становятся тормазомъ ихъ. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономической основы происходитъ болѣе или менѣе быстро переворотъ во всей огромной надстройкѣ. При изученіи подобныхъ революцій надо всегда отличать матеріальный, констатируемый съ естественнонаучной точностью, переворотъ въ экономическихъ условіяхъ производства отъ юридическихъ, политическихъ, религіозныхъ, художественныхъ или философскихъ, словомъ, идеологическихъ формъ, въ которыхъ люди отдаютъ себѣ отчетъ въ этомъ конфликтѣ и преодолѣваютъ его. Подобно тому, какъ нельзя судить о томъ, что такое личность, по тому, что она думаетъ

о себѣ, подобно этому нельзя обсуждать подобную революціонную эпоху по ея сознанію; нужно, наоборотъ, объяснять это сознаніе изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Общественная форма никогда не погибаетъ, прежде чѣмъ не разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она достаточно широка, и новыя, высшія отношенія производства никогда не заступаютъ ея мѣста, прежде чѣмъ не созрѣли въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить, ибо при болѣе внимательномъ изученіи всегда оказывается, что задача возникаетъ лишь тамъ, гдѣ имѣются ужъ на лицо или, по крайней мѣрѣ, зарождаются матеріальныя условія ея рѣшенія. Въ общихъ чертахъ можно указать на азіатскій, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства, какъ на прогрессивныя эпохи экономическаго развитія. Буржуазныя отношенія производства—это послѣдняя антагонистическая форма общественнаго процесса производства, антагонистичная не въ смыслѣ личнаго антагонизма, но въ смыслѣ выростающаго изъ общественныхъ условій существованія личностей антагонизма. Но развивающіяся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества производительныя силы создаютъ въ то же время матеріальныя условія для разрѣшенія этого антагонизма. Этой общественной формаціей заканчивается доисторія человѣческаго общества".

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР